ГОСУДАРСТВО И ПРАВО, 2024, № 9, с. 212–231
STATE AND LAW, 2024, No. 9, pp. 212–231

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 340

ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «ПОНЯТИЕ ПРАВА: ИСТОРИЯ И ТЕОРИЯ (К 300-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ИММАНУИЛА КАНТА)»

© 2024 г. Н. В. Кроткова

Институт государства и права Российской академии наук, г. Москва

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила в редакцию 26.07.2024 г.

Аннотация. В обзоре конференции предлагаются взгляды на право, распространенные в отечественной теоретико-правовой науке. Отмечается выдающаяся роль основоположника немецкой классической философии И. Канта в формировании философии права. Его идея категорического императива нацелена на создание модели правового государства, где человек объявляется не только средством, но и целью. Кант – один из тех, кто формировал метафизическую философию права, т.е. отрасль знания, создающую смысловые модели в мире политико-правовой реальности. Показано влияние Канта на русскую и европейскую философию права, значение его идей для современности.

Ключевые слова: Кант, понятие права, общая теория права, философия права, социология права, юридический позитивизм, юридическая наука.

Цитирование: *Кроткова Н.В.* Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)» // Государство и право. 2024. № 9. С. 212–231.

DOI: 10.31857/S1026945224090203

ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH INTERNATIONAL PARTICIPATION "THE CONCEPT OF LAW: HISTORY AND THEORY (ON THE 300th ANNIVERSARY OF THE BIRTH OF IMMANUEL KANT)"

© 2024 N. V. Krotkova

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 26.07.2024

Abstract. The review of the conference offers views on law that are widespread in Russian theoretical and legal science. The outstanding role of the founder of German classical philosophy I. Kant in the formation of the Philosophy of Law is noted. His idea of a categorical imperative is aimed at creating a model of a state governed by the Rule of Law, where a person is declared not only a means, but also a goal. Kant is one of those who formed the metaphysical Philosophy of Law, i.e. the branch of knowledge that creates semantic models in the world of political and legal reality. The influence of Kant on the Russian and European Philosophy of Law, the importance of his ideas for modernity is shown.

Key words: Kant, the concept of law, General theory of law, Philosophy of Law, Sociology of Law, legal positivism, legal science.

For citation: *Krotkova, N.V. (2024).* All-Russian Scientific Conference with international participation "The concept of law: history and theory (to the 300th anniversary of the birth of Immanuel Kant)" // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 9, pp. 212–231.

23 мая 2024 г. состоялась Всероссийская научная конференция с международным участием «Понятие права: история и теория (к 300-летию со дня рождения Иммануила Канта)». Конференция организована кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова совместно с кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия. *Модераторы* конференции: ***Е.А. Фролова***, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф.; ***В.Н. Корнев***, зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, проф.; ***В.Н. Жуков***, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф.

Ниже приводятся выступления участников конференции.

Е.А. Фролова, зав. кафедрой теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, д-р юрид. наук, проф. ***Феномен права в философии Канта и русских неокантианцев***

Иммануил Кант и неокантианцы внесли существенный вклад в исследование этики и права, подняв на новый теоретический уровень аксиологию и деонтологию. Задачей права, по Канту, является обеспечение такой деятельности людей, которая внешне совмещалась бы с предписаниями категорического императива. Принципом разумного законодательства выступает правовой постулат практического разума – сообразовать свободу каждого со свободой всех членов гражданского общества. Необходимое требование разума состоит в том, чтобы начало права не ограничивалось пределами отдельных государств, а распространялось на все человечество с целью достижения вечного мира. К условиям наступления последнего Кант относил следующие: гражданское устройство в каждом государстве должно быть правомерным (наличие разделения властей); международное право должно основываться на союзе свободных государств; взаимные отношения народов и государств должны определяться правилами всеобщего гостеприимства.

С именем Канта связана разработка философского учения о праве. В «Критике чистого разума» (1781) немецкий мыслитель доказывал трудность поиска определений в философских науках, к которым он относил науку о праве – сущность права не может быть постигнута ни методами практической юриспруденции, ни общей теорией права.

Рецепция этих идей русскими юристами-неокантианцами конца XIX – начала XX в. повлияла на развитие правовой традиции России, однако в силу различных причин влияние это было ограничено, и до настоящего времени доминирование кантианской философии в политико-правовом мышлении – задача скорее из области желательного. Вместе с тем понимание права как «формальной ценности», «культурного блага», активно влияющего на жизнь в обществе, прочно соединилось в правовом сознании с учением немецкого мыслителя.

Вслед за Кантом русские юристы признавали, что юриспруденция развивает понятия параллельно философскому направлению своего времени, глубина ее точек зрения определяется глубиной научно-философского сознания данной эпохи. Согласно их подходу, право – это сложный феномен, одновременно относящийся к сфере причинной обусловленности явлений и представляющий продукт логической и этической деятельности человека. Сущность права обусловлена

как *трансцендентальными* целями (право – продукт духовного творчества человека), так и *эмпирическими* целями (право – инструмент организации совместной жизни людей). Исследование права как явления телеологического порядка предполагает его рассмотрение в сфере оценок и целей. Данный метод устанавливает систему этики, которая не исчерпывается абстрактными конструкциями, а проецируется на потребности и интересы людей в обществе, создавая регулятивные идеи и социально-правовые идеалы.

Дополняя и развивая идеи Канта, русские юристы показали социальный характер права – оно нацелено на создание и поддержание определенного порядка в обществе. Правовой механизм представляет сложный аппарат, для эффективной работы которого требуется целенаправленная духовная активность всех членов общества. Каждая личность своим участием в осуществлении права претворяет в социальных отношениях необходимое в должное. Долженствование предполагает свободу личности. По своей сути долженствование всегда обращено к воле лица, оно с необходимостью предполагает возможность выбора; в то же время все поступки человека мотивированы, подчинены законам причинности.

Таким образом, согласно неокантианцам, право двойственно: с одной стороны, оно – предмет логики, существует в сфере мысли, с другой – социальное явление, включенное в общественные отношения в качестве их регулятора. Эта двойственность создает трудности для уяснения содержания права, в котором выделяются *рациональный* и *иррациональный* элементы.

Поскольку право состоит из норм, оно есть нечто рациональное: подобно понятиям создается разумом, без которого нормы не могут быть ни созданы, ни сформулированы. Норма представляет собой правило поведения, результат сознательной (разумной) деятельности человека. Нормы права выражают нормальное (типичное) сознание и поведение лиц. Нормативный характер права заключается в его независимости от каких-либо внешних авторитетов или внутренних мотиваций поведения человека. Правовой норме присуща общность: нормы права заключают в себе правило, согласно которому при определенных обстоятельствах необходимо действовать известным образом; общность имеет логический характер: правовые нормы устанавливаются для лиц, определяемых видовыми признаками. Логическая общность норм права сближает ее с логическим понятием, однако правовая норма сложнее ввиду ее двойного характера: общности положения и общеобязательности характера.

Вместе с тем право включает в себя не только правовые нормы, но и является фактом социальной жизни. Правовые отношения реализуются через субъективные права и юридические обязанности, которые всегда конкретны, единичны и индивидуальны. Такой же характер носят и правовые отношения. В этой индивидуализации процесса правовой реализации проявляется иррационализм права. Если взять субъективное право в действительной жизни, а не в теории, то оно представляет собой конкретную совокупность единичных правоотношений и индивидуальных прав и обязанностей, существующих в том или ином обществе в определенный момент времени. По своей логической природе субъективное право, рассуждали правоведы, противоположно объективному: объективное право – это совокупность рациональных продуктов духовной деятельности человека, субъективное право – совокупность жизненных фактов, имеющих правовое значение. Юридические факты, влияющие на движение правовых отношений, индивидуальны, неповторимы и потому иррациональны. В постоянном процессе меняющихся правовых явлений постепенно возникают новые правовые образования. Это фактическое право существует какое-то время в виде иррациональных правовых фактов; рационализация социальных отношений с помощью правовых норм наступает позднее. С этих позиций неокантианцы критиковали юридический позитивизм, представители которого отождествляли субъективное и объективное право.

В.Н. Корнев, зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, д-р юрид. наук, проф. ***Судебный смысл акта суждения***

В «Критике чистого разума» Кант рассматривает общую логику, которая строится по плану, «совершенно точно совпадающему с делением высших познавательных способностей. Это способности суть *рассудок, способность суждения* и *разум*»[1]. Определение истинной природы судебного решения значимо для юридической теории и практики, поскольку это, во-первых, непосредственно касается важнейшего раздела теории государства и права – понятия форм права, к числу которых некоторые современные отечественные теоретики государства и права относят помимо форм, общепризнанных в науке и практике, еще и решения судов, т.н. судейское право, и т.д., полагая, что в них содержатся нормы и принципы права. Такие выводы навеяны, очевидно, непреодолимым желанием ввести или по меньшей мере признать наличие в российской правовой системе прецедентного права. Прежде всего следует установить, что есть *способность суждения*. Без обращения к трудам немецкого философа И. Канта суть данной категории понять невозможно. Итак, способность суждения, по Канту, – это «есть умение *подводить* под правила, т.е. различать, подчинено ли нечто данному правилу (casus dataelegis) или нет»[2]. Немецкий философ высоко ценил это качество человеческого ума и считал, что «способность суждения есть особый дар, который требует упражнения, но которому научиться нельзя. Вот почему способность суждения есть отличительная черта так называемого природного ума (Mutterwitz), и отсутствие ее нельзя восполнить никакой школой, так как школа может и ограниченному рассудку дать и как бы вдолбить в него сколько угодно правил, заимствованных у других, но способность правильно пользоваться ими должна быть присуща даже школьнику, и если нет этого естественного дара, то никакие правила, которые были бы предписаны ему с этой целью, не гарантируют его от ошибочного применения их. Поэтому врач, судья или политик может иметь в своей голове столь много превосходных медицинских, юридических или политических правил, что сам <...> способен in abstracto усматривать общее, но не может различить, подходит ли под него данный случай in concrete, или же потому, что он к такому суждению недостаточно подготовлен примерами и реальной деятельностью»[3].

Приведенные положения работы немецкого классика философии представляют собой основу для нескольких выводов. Во-первых, способность суждения у судьи представляет собой связь природных интеллектуальных задатков, профессиональной юридической подготовки и опыта деятельности в качестве

[1] *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 151.

[2] Там же. С. 153.

[3] Там же. С. 154.

практикующего юриста. Во-вторых, способность суждения выражается в подведении конкретного случая под уже существующее правило (норма права), а не, что очень важно заметить, формулирование или установление собственно правила поведения. Данный вид способности суждения Кант именует определяющим суждением.

Процесс подведения отдельного случая под уже существующее правило – это оценочная деятельность суда, которая, однако, носит не аксиологический характер, поскольку в норме права дается аксиологическая оценка фактов, отношений, поведения и т.д. В правовой науке такую деятельность принято называть юридической квалификацией. По сути, правотворчество и правоприменение являют собой оценочную деятельность управомоченных субъектов правотворчества и правоприменения с той лишь существенной разницей, что результатом оценки правотворцем фактов реальной жизни является норма права, а итог юридической квалификации, которая дается правоприменителем и представляет собой разновидность оценочной деятельности, – это суждение о соответствии конкретного случая тем юридическим признакам, которые указываются в установленном правиле. Таким образом, судья обращается к праву с тем, чтобы отличить правильное от неправильного, дозволенное от недозволенного, правомочное от неправомочного. В этом случае он поступает индивидуально, исходя из особенностей каждого конкретного казуса. В его решении как акте суждения о частном случае нет императивов, предписывающих, приказывающих, что делать, а чего не делать, т.е. решение не устанавливает нормы, имеющей подобно закону всеобщий характер, поскольку она уже установлена в соответствующей форме права. В нем (судебном решении) содержится суждение о правомерности либо неправомерности поведения того или иного субъекта права.

Здесь уместно привести весьма красноречивое суждение И. Канта: «Юрист-законник ищет законы, гарантирующие мое и твое (когда он действует – как и надлежит – в качестве должностного лица правительства), не в своем разуме, а в обнародованном и утвержденном властями своде законов. От него нельзя по справедливости требовать доказательства истинности и правомерности этих законов, так же как и защиты от высказываемых разумом возражений против них. В самом деле, только повеления указывают, что соответствует праву, и вопрос о том, соответствуют ли праву сами повеления, юрист должен отвергнуть как нелепый. Было бы смешно уклоняться от подчинения внешней и высшей воле на том основании, что она будто бы не согласуется с разумом. Ведь престиж правительства заключается именно в том, что оно представляет своим подданным свободу судить о правом и неправом не по их собственным понятиям, а согласно предписаниям законодательной власти»[4]. Согласно методологическим предпосылкам позитивистского правопонимания и правоприменения данный вывод можно считать верным.

В.Н. Жуков, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, главный научный сотрудник Института государства и права РАН, д-р юрид. наук, д-р филос. наук.

Познание государства и права: основные подходы

Только во второй половине XIX в. появляется адекватное рациональное (понятийное) представление о государстве и праве, что связано с двумя обстоятельствами: 1) появлением государства и права современного типа; 2) появлением науки современного типа. Общественная наука не может быть выше уровня предмета, который она изучает. Усложняется социальный феномен, усложняется сама наука. Соответственно, адекватное представление о государстве и праве можно получить только тогда, когда сами феномены достигли своей зрелости. Это происходит в XIX – начале XX в.

Государство современного типа появляется в эпоху буржуазных революций. Его основные черты: 1) опора государственной власти не на общество и его сословия, а на армию, административный и полицейский аппарат; 2) большая дистанция между государственной властью и обществом, способность власти проводить свою внутреннюю и внешнюю политику независимо от общества; 3) право становится важнейшим инструментом государственной власти, прочно входит в ткань государства, становится его свойством. Право создает плотную среду, в которой существует государство, что зафиксировал Г. Кельзен.

Основных подходов познания государства четыре: 1) философский; 2) исторический; 3) социологический; 4) юридический. Последние три подхода позволили сделать представление о государстве и праве наиболее адекватным.

Философский подход – самый древний, появляется в Античности. Назначение метафизической философии – создание смысловых моделей, которыми руководствуются человек и общество в своем поведении. В основе этих моделей лежат ценностные установки и интересы людей. Метафизика есть рационализация ценностных установок. Метафизика, формируя модель мира, восполняет собой недостаток научного знания, что создает условия в том числе для фантазий, в большей или меньшей мере искажающих действительность. Метафизика есть тот канал, через который в знание о государстве и праве проникают ценности и интересы, т.е. факторы, как правило, препятствующие формированию точного знания. В этом смысле метафизика есть источник формирования ложных моделей государства и права. Пример – теории естественного права и договорного государства, в основе которых лежат не стремление к познанию, а ценностные императивы, интересы и идеология (Р. Штаммлер, П.И. Новгородцев).

Исторический подход принимает зрелый вид с конца XVIII в. благодаря становлению философии истории и профессиональной исторической науки. Большую роль здесь сыграла историческая школа права. Исторический подход позволяет определить степень зрелости государства и права, но только в зрелых политико-правовых формах их свойства выражены наиболее рельефно. Когда историки права и социологи (антропологи) права берутся рассуждать о ранних формах государства и права, следует понимать, от каких моделей отталкиваются авторы: от конкретно-исторических форм или абстрактных метафизических конструкций. Воззрения авторов на право и государство во многом зависят от их ценностных и идеологических предпочтений. Когда автор, например, берется доказывать, что право возникает раньше государства, а потому государство связано правом, ценность права выше ценности государства, в основе такого утверждения лежит не исторический подход, а философский, ценностный. Поскольку достоверных исторических сведений об архаических государствах крайне мало, привлекается метафизика, т.е. фантазии, построенные на ценностных установках и идеологических пристрастиях. Ведь очень часто историки и социологи (антропологи)

[4] *Кант И.* Спор факультетов / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; отв. ред. Л.А. Калинников. Калининград, 2002. С. 62.

права изучают современные первобытные народы, рассчитывая, что их примитивная культура является достоверной моделью, позволяющей реконструировать генезис современных зрелых государств. В данном случае применяется метод аналогии, дающий большие погрешности.

Социологический подход имеет дело с эмпирической реальностью, государство и право предстают как факт реальности. Социология дает то первичное и самое надежное представление о государстве и праве, которое лежит в основе остальных трех подходов. В метафизической философии права (И. Кант, П.И. Новгородцев) явственно обнаруживается конфликт социологического и философского (метафизического) подходов, т.е. конфликт реальности и смысловой модели. Так, утверждение Канта, что государство и право основываются на категорическом императиве, отражает не реальность, а ценностную установку автора. Кант предлагает смотреть на мир политико-правовых форм через призму придуманной им фикции – категорического императива. Новгородцев также настаивает, что именно метафизика, а не эмпирика жизни, выражает «высшие запросы человеческого духа», грубый социологизм (т.е. наука), полагает он, должен быть подчинен метафизике (т.е. фантазиям).

Юридический подход в полной мере оформляется в XIX–XX вв., когда возникает государство современного типа, т.е. государство, теснейшим образом связанное с правом. В результате такой метаморфозы у юриста-догматика создается впечатление, что государство растворяется в праве, что государство и есть реализованное право. Юридический подход вырастает из догматической юриспруденции, беря на вооружение догматический метод. Юридическая модель государства появляется главным образом в государственном и административном праве, затем переносится в юридико-догматическую общую теорию права (юридический позитивизм). Юридическая модель права и государства есть сфера логики, юридической мысли, мир юридических фикций, что, как правило, далеко от действительности (например, конституция государства). Юридический мир политико-правовой реальности, созданный, например, Кельзеном, – это только одна из ее граней, и не самая важная. Важнейшее свойство государства и права – не юридические фикции, а проявление жизни во всех ее аспектах.

Т.Н. Радько, профессор кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф., заслуженный юрист РФ. ***Идеи И. Канта в современных реалиях***

Отмечая 300-летие И. Канта, нельзя не сказать о том, что многие из его идей, высказанных о праве и государстве, актуальны до настоящего времени. Более того, можно с уверенностью говорить, что они будут иметь важное значение и в будущем. Так, рассматривая вопрос о форме государства, он писал, что существуют две формы государства – республика и монархия. Причем необходимо иметь в виду, что республик в конце XVIII в. практически не было. Но он уже тогда, глубоко анализируя эту форму государства, отмечал ее недостатки и достоинства. Положительно характеризуя монархию, он, тем не менее, отдавал предпочтение республике, хотя тут же добавлял, что наилучшая форма управления та, где правит один. Перенося эту мысль Канта в современную политическую действительность, можно предположить, что он подразумевал президентскую республику. Таких слов Кант не произносил и не писал, но по факту это так. Сегодня президентские республики – явления, довольно распространенные в мире. В них правит именно один. Значит, мысли Канта были абсолютно правильны, они реализуются в практике государственного строительства, в том числе и в России.

Следующая абсолютно правильная и актуальная идея Канта, изложенная и обоснованная им в гениальном трактате «К вечному миру», который при жизни Канта переиздавался более десяти раз, – это рассуждение о государстве, его территории и о межгосударственных отношениях.

Государство, по Канту, – это не имущество, а сообщество людей, т.е. прежде всего люди. Распоряжаться ими не может никто. Без согласия народа, проживающего на этой земле, нельзя продавать, обменивать, передавать государственные территории.

Проецируя эти мысли Канта на нынешнюю ситуацию в отношениях с Украиной, сразу возникает вопрос: В.И. Ленин и большевики спросили русский народ Новороссии о том, что их передают в состав новоиспеченной Советской Украины? Спрашивал ли Н.С. Хрущев у жителей Крыма, хотят они этого или нет, когда принимал решение передать Крым Украине? Общеизвестно, что никакого референдума и даже простого опроса населения не было, а было заигрывание с политической элитой Украины, была т.н. политическая целесообразность. Кант был противником решения подобных вопросов волевым односторонним способом. Он категорически возражал против такого обращения с народом.

У него есть много мыслей о международном праве, межгосударственных отношениях, о войнах и т.д.

Наконец, об упреке Канта юристам, что они все еще ищут определение понятия права. Можно ответить ему, что юристы и до сих пор ищут определение права. На наш взгляд, юристы еще долго будут искать это определение, так как оно имеет две сущности – эмпирическую, что поддается познанию, и надэмпирическую, воображаемую. Сколько будет желающих дать определение права, столько будет и определений. Эта сущность непостижима.

О.Ю. Рыбаков, зав. кафедрой философии и социологии Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, д-р филос. наук, проф. ***Нравственность, долг, право в философии Иммануила Канта***

Человек, согласно кантовскому пониманию, оказывается существом нравственным. Причем данный подход обращен ко всем людям, к человеку как существу родовому, имеющему знаковое отличие от других живых существ и обладающему основным качеством – разумностью.

Не может не возникать вопрос: всякий ли человек способен к нравственному целеполаганию? Очевиден и ответ: нет, не всякий. Однако человек, по Канту, ставится в положение субъекта познающего, разумного, обладающего свободой воли, пониманием своего долга перед другими людьми и обществом, исполняющего свои обязанности. Уважение свободы других людей, ограничение своей свободы, сообразно всеобщим принципам существования человека, есть в любом случае уважение к самому себе. Человек как цель – это девиз отношения к себе и к любому другому человеку. Свобода и долг сопряжены в единстве целеполагания индивида. Долг понимается не только как категория ответственности индивида перед обществом, но и как требование ответственности, обращенное к самому себе.

У И. Канта императивность есть смыслообразующая конструкция, которая объясняет если не все, то очень многое в отношениях индивид – индивид, индивид – общество – государство. Императив, т.е. веление. Нравственное

веление определяет статус человека в мире умопостигаемых целей, явлений, отношений. «Поступай так, чтобы...» и формулируется Кантом парадигма взаимодействия человека и социального мира. Тем самым постулируется обязанность иметь не только свободу, понимаемую как категорию нравственную и правовую, но и обязанность исполнять долг. Долг и обязанность его исполнения становятся частью бытия индивида. Тем самым он определяется в пространство отношений долженствования, где обязанность превалирует над священным правом поступать так, как хочется, если это не противоречит общеустановленным принципам и порядку.

Всеобщая сила государственного повелевания воплощена как в формально определенных правилах должного поведения, так и в принудительном императиве, потому что он категорический, обязательный. Однако источник императива находится в разуме человека. Как право может быть результатом объективирования априорной идеи, так и императив, сопряженный с правом, имеет глубоко индивидуальные, внутриличностные корни. Мотивация соблюдения императива исходит из нравственной позиции самого человека, его миропонимания. Человек признается существом нравственным, способным к соблюдению всеобщего уважения и соблюдения как своей свободы, так и свободы других людей.

Человек есть познающий и мыслящий субъект, что результируется в наличии разума как теоретической конструкции. Человек в то же время есть субъект, обладающий волей и даже свободой воли, что проявляется в его практическом разуме. Моральный закон и правовой закон универсальны и предопределяют свободу индивида и в сфере моральности как постулирования добродетельности, и в сфере легальности как проявления права.

Соблюдение общеобязательных предписаний через включение нравственного обязательного начала предполагает понимание великой миссии человека как носителя нравственного императивного веления. Возможно, такое веление есть некая нравственная матрица, в которой недопустимы перестановка мест, их нарушение.

В категорическом императиве может содержаться предупреждение всему человечеству о недопустимости его нарушения. Игнорирование императива хотя бы одним человеком может провоцировать множественные нарушения, что приведет к трагическим последствиям для всего человечества и поставит его на грань выживания. Трагические события после жизни И. Канта, в особенности в XX в., это продемонстрировали.

Наличие разума в индивиде определяет его теоретический уровень взаимодействия с миром – его познание этого мира. Свобода воли индивида предполагает его практическое воплощение. Человек всегда и везде, в любых ситуациях обладает свободой воли и поэтому всегда и везде находится в состоянии ответственности за свои поступки, независимо от внешних обстоятельств. У Канта в его сложной многосоставной конструкции (чистый разум, априорность идей, свобода, воля, нравственное императивное начало, право, долг) предполагают обязательность индивидуального миропонимания и соблюдения всеобщих правил. Миропонимание индивида становится одним из центральных условий сохранения всеобщего блага и достижения свободы через самоограничение нравственного уровня и понимания ценности человека только как цели.

Попытки обоснования ограничений, основанных на праве, переводят понимание этого права в разряд позитивного, но имеющего индивидуально-нравственное начало и личностную мотивацию.

А.В. Корнев, зав. кафедрой теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук, проф. ***Иммануил Кант и значение его идей для юридической науки***

Великий русский писатель И.С. Тургенев, описывая одного из своих литературных героев, замечает, что он «в веселый час объявляет себя поклонником Эпикура, хотя вообще о философии отзывается дурно, называя ее туманной пищей германских умов, а иногда и просто чепухой»[5].

Увы, это довольно часто встречающееся отношение к философии, особенно на бытовом уровне. Существует легенда, согласно которой Наполеон повелел ему изложить буквально на нескольких страницах основные идеи Канта, прочитав которые, великий полководец признался, что он ничего не понял. И даже был разочарован, усомнившись в значимости философских идей мыслителя из Кёнигсберга.

Пожалуй, в этом и кроется почти всегда трагическое одиночество героев мысли, идеи которых порой очень далеки от исканий среднестатистического человека. Но от этого они нисколько не теряют свою притягательную силу.

Кант, разумеется, прекрасно понимал, что своим творчеством он навсегда будет вписан в интеллектуальную историю человечества. В России его 300-летний юбилей отмечался на государственном уровне. И дело даже не в том, что он был некогда русским подданным и однажды направил прошение императрице Елизавете Федоровне с просьбой принять его на профессорскую должность. Балтийский федеральный университет по праву носит его имя. Вся его жизнь была связана с Кёнигсбергом и университетом. Идеи великого немецкого философа пережили свое время и принадлежат всему человечеству. Кстати, он сам не считал себя немцем. Его отец, Иоганн Георг, по одним источникам пивовар, по другим – шорник, едва говорил по-немецки. Мать, Анна Регина, целиком посвятила себя воспитанию детей. При поступлении в университет юноша выдавал себя за шотландца. Времена были такими, что приходилось многое скрывать. Кант считал себя пруссом, представителем одного из балтийских племен, которые были вырезаны немцами в процессе освоения данного географического региона. Мы до настоящего времени точно не знаем, какой факультет окончил Кант. В то время, когда он поступал, философский факультет считался «низшей» ступенью и представлял собой нечто в виде общего курса наук. По его окончании студенты могли выбирать между теологическим, медицинским и юридическим факультетами. Судя по тому, что Кант считал своим учителем доктора теологии Франца Альберта Шульца, есть косвенные основания считать его выпускником теологического факультета.

Книга И. Ньютона «Математические начала натуральной философии» предопределила философский путь мыслителя. Он стремился подвести под свою философскую систему строгую научную основу. В этом проявилось его желание увести философию из-под жесткой опеки богословия. Кстати, проблема «Кант и религия» до настоящего времени вызывает многочисленные споры. Его родители были людьми крайне религиозными. Во всяком случае, атеистом он точно не был.

[5] *Тургенев И.* Записки охотника: очерки. СПб., 2019. С. 170.

Научное и философское становление И. Канта было логичным. Его долгая творческая карьера четко делится на два периода – докритический (догматический) и критический. Первый период его научно-преподавательской деятельности связан с естественными научными дисциплинами. Он во многом предопределил его философскую систему. Критический же период связан с попытками формирования теории познания. Его также не отпускали вопросы этики и целесообразности. Философ называл свою систему «трансцендентальным идеализмом». Суть такого подхода состоит в том, что окружающая действительность, мир как он есть и то, как мы их воспринимаем, – это совершенно разные категории.

Кант преподавал много различных дисциплин, включая право. Человек у Канта стал центральным элементом его философской системы. Он наделен способностью постигать тот мир, в котором живет. Заслуга Канта состоит в том, что он объявил Человека высшей ценностью. И за это юристы обязаны почитать его гораздо больше, нежели за то, что он предложил понимать право как совокупность условий, при которых свобода одного человека соотносится со свободой другого человека на основе всеобщего закона свободы.

Нужно было обладать воистину великой смелостью, чтобы провозгласить мораль самостоятельной категорией, а не порождением религии. При этом Кант точного ответа на то, откуда берет свое начало мораль, не дает.

Мыслитель выдвинул идею о том, что в природе, по всей видимости, нет никакой цели, но в ней явно заложена целесообразность. Глядя на современный мир, сомневаешься в том, что в обществе имеет место даже целесообразность. И здесь мы должны воздать должное И. Канту. Человек не только пассивно отражает действительность, но и может делать ее лучше, рациональнее, справедливее, гуманнее и пр. Философ пытался глубоко приникнуть в суть многих категорий, на которых, собственно говоря, и выстраивается фундамент права.

Среди прочих инструментов создания желаемой социальной реальности на первое место, несомненно, выходит право. Мы привыкли думать, что творчество И. Канта представляет интерес только для теории и философии права. Но это далеко не так. Даже юристы нормативного и позитивистского направлений, практики могут найти у него много полезного.

Стало недоброй традицией критиковать именно эти направления в юридической науке и практике. Однако проблема заключается в способности создания эффективно работающего понятийного аппарата и категорий практической юриспруденции. Иными словами, критики используют все те же категории, которые сформировались в рамках юридического позитивизма и нормативизма. В дореволюционной юридической науке стала зарождаться логическая версия нормативизма, но не успела, к сожалению, приобрести завершенные формы.

Мы живем в эпоху инноваций. Вера в человеческий разум, его способность понимать и менять этот мир как никогда современна. Представляется, что идеи Канта могут стать философско-правовой основой инновационной юриспруденции. Право сегодня не просто должно реагировать на то, что объективно сформировалось в качестве объекта регулирования. Такой подход перестал быть единственно верным. Опережающее развитие права, создание правовой среды для формирования новых рынков и технологий есть главная тенденция развития юридической науки и практики. А раз это так, Иммануил Кант, его идеи в настоящий момент являются гораздо более актуальными, чем в его время.

Д.В. Масленников, зав. кафедрой философии, религиоведения и педагогики Русской христианской гуманитарной академии им. Ф.М. Достоевского, д-р филос. наук, проф.

Эпохальное значение учения И. Канта для развития правовой мысли состоит в том, что он сформировал совершенно новую парадигму правовой мысли, не сводимую к господствовавшей парадигме общественного договора и лишь отчасти соответствовавшую парадигме естественного права. Ее можно определить как парадигму свободы, идейно связанную с патристическим пониманием свободы как абсолютного дара Бога человеку.

Классическая парадигма естественного права, наиболее последовательно представленная в учении Фомы Аквинского, восходила к платоновскому пониманию права и государства как воплощения субстанциальной идеи абсолютного блага, воспринятой в форме идеи справедливости. Свободный человек осознает идею справедливости не только как образ вселенской справедливости и не только как образ справедливости государства, но и как строй своей души, стремящейся к нравственному идеалу, т.е. осознает субъективную идею справедливости, полностью совпадающую с объективной идеей. Благодаря этому справедливость выступает для него в качестве ценности.

Христианское понимание свободы как абсолютного дара Бога человеку давало наиболее глубокое определение сущности его бытия. Тем самым и всеобщее бытие, которое Платон связывал прежде всего с идеей блага, должно было теперь пониматься как сущность абсолютной свободы, иными словами, должно пониматься как субъект, субъективно. Поэтому исторически оправданным было исследование Кантом природы абсолютного в параметрах субъективности. Исходя из этого автор «Критики практического разума» дедуцирует понятие морали и вслед за этим понятие права путем аналитического разделения понятия свободы. Важно, что само понятие свободы, согласно Канту, актуализируется в императив практического действия, а значит, актуализируется в формы права и морали, только через полагание идеи абсолютного блага. Условием последнего, по Канту, является идея Бога и идея бессмертия души. Хотя в определении идеи блага, идеи бессмертия и идеи Бога Кант не считает возможным выйти за пределы сферы субъективности, все же, апеллируя к этим понятиям, он продолжает традицию естественного права, но уже на новой почве чистой субъективности, которой не знало ни античное мышление, ни метафизика Нового времени.

Фихте, а в особенности Гегель, отталкиваясь от теоретических достижений Канта, обосновали метод развития субъективной формы идеи свободы и идеи права до уровня объективной субстанциальности. Согласно Гегелю, субстанция-субъект духа есть свобода. Понятие духа у него – это в первую очередь методологическое «средство» экспликации в мышлении идеи абсолютного, в том числе в формах идеи абсолютного блага и абсолютной свободы. А значит, это – метод духовного прочтения идеи права, путь к достижению конкретности его понимания.

Напротив, понятие права у Канта, поскольку он настаивал на невозможности выйти в его трактовке за пределы сферы субъективности, неизбежно страдало абстрактностью. Это проявилось, в частности, в его трактате «К вечному миру», где предлагались правовые формы «обуздания» исторических процессов. Если бы идеи этого трактата

могли быть реализованы, то следствием была бы вечная война, а не вечный мир.

А.И. Овчинников, зав. кафедрой теории и истории государства и права юридического факультета Южного федерального университета, проректор по научной работе Донской духовной семинарии, д-р юрид. наук, проф. ***Актуальность идей Канта и неокантианцев для эпистемологического исследования правового мышления***

Философско-методологические труды Канта и неокантианцев крайне актуальны как при исследовании научного правового мышления, так и для изучения особенностей практического или правоприменительного правового мышления. Как известно, человеческое мышление может изучаться с самых разнообразных точек зрения: философских, логических, психологических, когнитивных, информационных и т.д. В классической теории познания, фундамент которой был заложен еще в Новое время, человеческое мышление представлялось как познавательный процесс, предполагающий созерцание внешних для субъекта познания объективных явлений. Отсюда понятия представляют собой высшую форму отражения мира в сознании, а целью познания становится отражение сущности предметов и явлений. В таком случае в понимании научного правового мышления главную схему играет субъект-объектное отношение, где вопрос о возможности адекватного воспроизведения субъектом познания сущностных характеристик и признаков объекта, в данном случае правовых явлений, становится центральной темой.

Классическая теория познания благодаря критике ее основ И. Кантом постепенно сменяется неклассической теорией познания, в которой субъект-объектное разделение постепенно признается для социальных наук не приемлемым, так как, с одной стороны, отрицает активную творческую роль субъекта в познавательном процессе, с другой – сведение человеческого мышления к расчленению мира и анализу структурно-логических форм его выражения не дает целостной картины мировосприятия. Множество фактов свидетельствовали в пользу существования такого пласта в познании, который находится вне пределов рационального объяснения. С переосмысления критической философии Канта неокантианцами Виндельбандом и Риккертом в конце XIX в., развития феноменологии и философской герменевтики в начале и середине XX в. ведет отчет неклассическая парадигма правового мышления. Ее можно назвать иррационалистической парадигмой правового мышления, но только в том случае, если иметь в виду ее негативное отношение к модернистскому, классическому идеалу научной рациональности и критическую позицию по отношению к вере в научный разум, свойственную Новому времени. Последовательный анализ научного мышления в ходе творческой работы ученого, изучение процессов генезиса научного знания показал обусловленность научно-теоретической деятельности факторами субъективного характера.

Для социально-гуманитарного знания трудно представить себе созерцательный объективизм, так как познающий субъект является частью познаваемого объекта (общества). В связи с тем что поиск объективной истины в ходе научного познания становится в социогуманитарных науках не представимым, а предпосылочное знание определяется внутренним миром познающего субъекта, на первое место выходят вопросы допредикативных структур сознания в виде социокультурных, научно-прикладных, прагматических, психологических и иных факторов и интересов субъекта. В условиях современного интереса к культурно-цивилизационному подходу к праву неклассическая теория познания, в которой мышление рассматривается прежде всего как процесс смыслообразования или понимания, протекающий в единстве различных видов познания – чувственного, интуитивного и рационального, более адекватна. Этот вывод вовсе не ведет к полному социально-конструктивистскому отрицанию объективности права, ведь правовое мышление все же познает именно право, но он акцентирует внимание на сложности эпистемологической природы правового мышления и позволяет осознать допустимость различных теорий права, раскрывающих те или иные грани его. В связи с тем что интуиция сущности права зависит от глубинных идей о сущности общества, предопределяя результат, исследователь, постигая право собственным опытом, склонен видеть в нем или нечто принудительное, или духовное, или психологическое, или естественное и т.п. Поэтому каждый подход к праву являет собой одновременно и метод его постижения. Каждый метод, например социологический, исторический или юридический, выхватывает какую-то одну сторону государства или права, в то время как сущность этих явлений всегда остается до конца не познаваемой – «вещью в себе». Цельное и полное знание о праве достижимо в результате совокупного применения этих понятий и исследовательских направлений.

Для исследования практического или правоприменительного правового мышления крайне актуальны идеи Канта об иррациональном характере подведения под правило конкретной жизненной ситуации. В этом процессе особенно ярко проявляют себя ограниченность логики и оценочный характер правового мышления. Подведение случая под правило при наличии полного соответствия между ними Кант относил к простейшей форме познавательной способности человека – рассудку. Рассудок применим только в тех ситуациях, когда признаки, описанные правилом, полностью обладают характером определенности. Однако если правило включает в себя оценочные признаки или являет собой абстрактную общую норму, то здесь от мыслящего требуется творческая «способность суждения» для сопоставления нормы и случая, общего и частного, абстрактного и конкретного. В таком подведении нормы и случая лежит сложный творческий мыслительный процесс, в котором переплетаются и дискурсивные, и оценочные мыслительные акты. В условиях поиска модели электронного судьи на основе ИИ становится очевидным, что нельзя модель правового мышления строить по аналогии с мышлением математическим.

С.В. Липень, профессор кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), д-р юрид. наук. ***К 300-летию И. Канта: три эпохи правопонимания***

Указ Президента РФ от 20 мая 2021 г. № 300 «О праздновании 300-летия со дня рождения И. Канта» актуализировал внимание к кантовским идеям со стороны представителей всех направлений отечественной гуманитарной культуры. Естественно, юристы здесь не могут оставаться в стороне, тем более что Кант является знаковой фигурой в развитии политико-правовых доктрин. Его учение, по сути, обеспечило переход от договорных концепций XVII–XVIII вв. к либерализму XIX в. и во многом способствовало созданию современного облика государственно-правовых теорий, основанных на гуманистических ценностях и лежащих в основе современного конституционализма.

Правопонимание И. Канта также имеет не только конкретно-историческое, но и общее значение. Оно органично встроено в его общую философско-правовую картину мира и подчинено утверждению свободной личности как основного субъекта нарождающегося буржуазного строя. Временем Канта, последними десятилетиями XVIII в., оканчивается первая эпоха правопонимания, которая характеризуется тем, что понятие права чаще всего не представляло самостоятельной проблемы и давалось в связи с необходимостью того или иного решения общих вопросов политического строя, правовой системы, источников права, их толкования и применения. Научные дискуссии по вопросам понятия права в целом не носили системного характера и не велись в режиме реального времени.

Второй эпохой в развитии взглядов на понимание права как на самостоятельную проблему является, по нашему мнению, XIX – середина XX в. Для французской традиции имеют значение годы, предшествовавшие принятию Кодекса Наполеона, когда отрабатывалась нашедшая отражение в этом документе концепция источников права. Более значимое явление – возникновение в германской традиции исторической школы права, сторонниками и оппонентами которой начали активно обсуждаться различные аспекты понимания права, источников права, развития права и законодательства. В середине XIX в. концептуализируются идеи юридического позитивизма, в последние десятилетия века все активнее заявляют о себе сторонники социологических подходов к правовым явлениям, в начале XX столетия оформляется социологическая школа права, появляется оригинальная психологическая теория права, возрождается естественное право, которое получает для своего развития мощный импульс после Второй мировой войны. Для второй эпохи правопонимания, эпохи «сражающихся теорий» (если можно так выразиться, по аналогии с эпохой Сражающихся царств из истории Китая), характерны активные научные дискуссии между представителями разных подходов. Для любого видного ученого сохранять нейтралитет чаще всего не представлялось возможным, следовало быть сторонником одного из подходов к пониманию права и критиковать оппонентов.

Примерно с последней трети XX в. начинает утверждаться интегративный подход, который знаменует начало третьей эпохи в развитии идей правопонимания. Представители интегративного подхода утверждают, что в каждой теории есть свое рациональное зерно, которое может быть использовано в построении общей концепции. Таким образом, можно преодолеть крайности позитивистских, социологических, естественно-правовых подходов и ориентироваться на синтетическое понимание права. Возникновение интегративных подходов представляется закономерным процессом, поэтому в целом внеисторичны попытки, предпринимавшиеся в отечественной юридической науке, объявить этот подход ненаучным («интегративное недопонимание права»). Иное дело, что разные авторские варианты интегративного правопонимания могут нуждаться в уточнении и в усилении аргументации.

В заключение отметим, что понятие права должно формулироваться в соответствии с признанной в той или иной правовой системе концепцией источников права. Не стоит рассматривать правопонимание и систему источников права как две самостоятельные и разные проблемы. Источники права, признаваемые в данной правовой системе, и составляют право. Такой взгляд ориентирует и на то, что правопонимание в рамках каждой правовой системы будет иметь свои особенности. К констатации этого пришли и популярные в последние десятилетия попытки составлять индикаторы верховенства права и выводить на этой основе рейтинг стран – «каждая страна демонстрирует, по сути, собственную модель верховенства права, равно как и модель правовой системы, модель демократии, модель конституций»[6]. В этом состоит отличие современных подходов от теории Канта, который в традициях немецкой классической философии стремился дать именно универсальное, общее понятие права.

В.М. Дуэль, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти, декан факультета подготовки кадров высшей квалификации Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. ***Свобода и право в философии И. Канта***

Философия Иммануила Канта строится на антиномиях чистого разума. В этой связи философ противопоставляет категории разум (Vernunft) и рассудок (Verstand), феномен и ноумен, вещь в себе самой (Dingansich) и вещь для себя самой (Dingfürsich) и т.д. Для нашего исследования важным представляется анализ сущности соотношения категорий «свобода» и «право».

Согласно взглядам Канта, свобода относится к ноуменальному порядку, ее суть не может быть постигнута с теоретической точки зрения, поскольку свобода – это своего рода вещь в себе, и она не относится к миру реальных объектов, как это случается в мире феноменов. Между тем анализ воли, осуществленный исходя из постулатов практического разума, свидетельствует о том, что только концепция свободного, ноуменального субъекта может стать основанием морали, т.н. морального законодательства.

Человек является себе самому как феномен, будучи предметом реального мира. Он познает свое тело, анализирует свойственные ему психические переживания и пр. и выражает их в априорной форме, как и другие данные, полученные в результате чувственного опыта. В то же время человек как ноумен для себя и для других – непознаваемый объект. Однако, возвращаясь к максимам практического разума, можно смело констатировать, что только признание основоположений практического разума о введении предпосылок свободного, ноуменального человека может стать предпосылкой морали и моральных прав. Здесь мы сталкиваемся с проблемой автономии воли применительно к вопросам нравственности, которая на философском уровне была исследована Кантом в работе «Критика практического разума». Согласно ему, автономия воли есть высший принцип нравственности. Автономией воли может обладать только свободный человек. В связи с этим, следуя идеям великого философа, можно сделать вывод о том, что если бы мы ограничились только анализом человека как феномена, то у нас не было бы возможности увидеть реальные пути построения морали как разновидности нормативной системы.

Поведение человека как венца природы детерминировано различными причинами и обстоятельствами. Только в ноуменальной перспективе человек может быть свободен от внешних стеснений, как это предполагает тот же практический разум. Следовательно, посредством постулатов практического разума преодолеваются антиномии теоретического разума. Наукой добродетели Кант называл решение

[6] *Чиркин С.В.* Современные подходы к конструкции верховенства права [гл. V] // Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / под ред. Т.Я. Хабриевой, А.Я. Ковлера. М., 2024. С. 173.

проблемы соответствия поступков человека требованиям категорического императива. Согласно указанной позиции, оценка собственных поступков, совершаемых человеком, зависит от него самого. Из определения свободной воли становится понятным то, что ни один внешний авторитет не может заменить человека в этой роли.

Кант рассматривал человека не только в качестве ноумена, но характеризовал его еще и как феномена. В этом смысле люди, будучи феноменами, отделены друг от друга. Иными словами, благодаря разуму мы, по Канту, можем открыть у человека такое его свойство, как свободная воля, но при этом человек остается венцом природы, руководимым в своих действиях естественными влечениями и склонностями. Отсюда возникает необходимость положительного права, которому имманентно присущ принудительный характер. Если бы человек был полностью и исключительно разумным, если бы он всегда руководствовался законами разума, право, основанное на применении принуждения, было бы излишним. Нормы, являющиеся результатом внутреннего, связанного с практическим разумом законодательства, он называл естественным правом, а право, создаваемое государством для регулирования сферы внешних человеческих деяний как феноменов, – позитивным правом, которое он определял следующим образом: «поступай так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом»[7].

Концепция позитивного права представлена Кантом в работе «Метафизика нравов». Можно смело заметить, что это была одна из наиболее значимых попыток в философии права обоснования сути позитивного права на рационалистических теоретико-познавательных основаниях.

Л.В. Лукьянчикова, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин отделения «Высшая школа правоведения» факультета государственного и муниципального управления ИГСУ РАНХиГС, д-р юрид. наук, канд. ист. наук. ***Неокантианцы о демократии и перспективах ее осуществления в России***

Обращение к наследию И. Канта справедливо является актуальным трендом общественного сознания в связи с постоянным запросом социума в отношении идеи свободы личности, поиска компромисса между индивидуальным и коллективным, а также определения роли и места нравственных начал в праве и государстве. Достояние великого философа представляет особую значимость и в том, что его идеи получили развитие в трудах его последователей. В русской философии права второй половины XIX – первой половины XX в. неокантианской направленности проблемам поиска общественного идеала, связанности государства правом, правового государства, основой которого выступает самодостаточная личность, уделялось большое значение[8]. Особенно интересны в этой связи воззрения отечественных представителей неокантианства касательно «зрелости» демократии и ее «будущности» в России. Демократия в целом представлялась как синтез, установивший подвижное равновесие между взаимно друг друга восполняющими и видоизменяющими элементами, такими как народодержавие, равенство и свобода личности, ставящая предел власти.

В основу концепции демократического правового государства неокантианцев был также положен принцип суверенитета права, поскольку между демократией и правом, указывали они, существует органическая связь; демократия и право – две стороны одного явления, а квинтэссенцией демократии выступает социальное право. Констатировалось, что если демократии суждено погибнуть, то и право испытает глубочайший регресс своего влияния в общественной жизни (Г.Д. Гурвич[9]).

Учитывая специфику политической и социокультурной модернизации, начавшейся в России с периода «Великих реформ» и продолженной ограничением монархии в начале XX в., мыслители отмечали положительную динамику развития демократии, конституционное начало получило совершенно определенное и отчетливое выражение. Большие надежды возлагались на то, что в дальнейшем последует установление подзаконности правительственной и судебной власти при верховенстве власти законодательной, обеспеченной всеобщим избирательным правом; повсеместное введение местного самоуправления; закрепление прав и свобод граждан и правовых гарантий, их обеспечивающих (В.М. Гессен). По-своему интерпретируя идеи немецкого философа, учеными подчеркивалось при этом, что реализацию ряда мероприятий по демократизации России следовало проводить с учетом сложившихся национальных традиций.

Становление советской власти, сопряженное с Гражданской войной и угрозой существования самого государства, придало исследованию проблемы демократии в России новый импульс. Доминирующей тенденцией воззрений неокантианцев в первой четверти – половине XX в. явились идеи социальной доктрины, основанием которой стала отечественная культурная традиция. К русской самобытности относилось нравственное и соборное единство, проникнутое началами православной религии. Подлинным идеалом демократии в этой связи являлось «смиренное служение, определяемое верой в непреходящий смысл национальной культуры» (С.Л. Франк); а постепенное приобщение «русского мужика» к политической деятельности в рамках православной культуры позволило бы избежать потенциальной опасности разрушения исторической российской государственности (Н.Н. Алексеев, П.Б. Струве). Такой подход отлично гармонировал с кантовской философией, поскольку либеральное правовое государство целиком построено на христианской этике, на идее абсолютной ценности индивидуальной и всеобщей свободы (Б.П. Вышеславцев[10]).

Перспективы развития демократии сторонники неокантианского учения видели в ее многоплановости и универсальности, начиная от того, что демократия станет хранительницей идеальных и духовных запросов нации, до того, что выступит процессом «непрерывной правоорганизации народов». Данное явление также увязывалось с упрочением социализма, поскольку подлинная демократия есть демократия хозяйственная, способная предоставить социальные и материальные блага (Б.П. Вышеславцев, Г.Д. Гурвич, П.И. Новгородцев).

Однако подобные перспективы развития в России виделись мыслителями по-разному; государство диктатуры пролетариата вызывало у подавляющего их большинства

[7] *Кант И.* Метафизика нравов. М., 2007. С. 75.

[8] См. об этом подр.: *Фролова Е.А.* Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42–49.

[9] См.: *Гурвич Г.Д.* Будущность демократии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1.

[10] См. об этом подр.: *Лукьянчикова Л.В.* Вопросы народовластия в политико-философской мысли русского зарубежья // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12 (72). С. 144–148.

большие опасения в плане демократических начал. В одном случае возврат к нормальному типу политической демократии на основах общегражданского представительства был возможен только в посткоммунистической России. Причем отмечалось, что актуальной будет борьба за традиционные формы политической демократии, территориальный федерализм и зародыши новых форм хозяйственной и национально-культурной демократии (Г.Д. Гурвич). В другом – предусматривалась государственная система с прочно огражденной свободой лица и сильной правительствующей властью (П.Б. Струве). В третьем случае российская будущность представлялась синтезом ценностей двух эпох, с созданием сильной и внутренне органичной общественной системы, способной выдержать любые потрясения, т.е. православным правовым государством, «которое сумеет сочетать твердую власть (начало диктатуры) с народоправством (начало вольницы) и со служением социальной правде». Причем в этой роли рассматривалась и система советская, которая, несмотря на зигзаги и крупные издержки, в конечном счете могла стать носительницей вековечных русских идей и традиций (Н.Н. Алексеев).

Сторонники неокантианского учения были едины в том, что упрочение демократии в России требует развития общественного правосознания, воспитания уважения к праву, так как демократия представляет необходимый и единственно возможный путь для его реализации. Такой подход сегодня для нас имеет большое значение, значимым он останется и в дальнейшем, поскольку является необходимым условием существования гражданского общества и правового государства.

Т.Р. Орехова, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, канд. юрид. наук. ***Некоторые замечания о правовом содержании понятия «уважение»***

Юбилей со дня рождения Иммануила Канта, который мы отмечаем в условиях конфликта (или даже противостояния) России и стран Запада, в котором проявляется в том числе несовпадение позиций политических, культурных, нравственных, духовных и т.д., можно рассматривать как повод поговорить о современности и об универсальности сформулированных Кантом идей.

Конфликт все больше приобретает цивилизационный и мировоззренческий характер. На наших глазах происходит выхолащивание, казалось бы, незыблемых понятий – свобода воли, достоинство личности, права человека и др., подмена их содержания в нормативном регулировании на уровне стран и международных организаций принципами пост- и трансгуманизма. Именно это привело к тому, что Российское государство в целом, общество и практически каждый человек предпринимают попытки определиться в точных формулировках наших исконных традиционных ценностей.

Исходя из задач, которые стоят ныне перед Россией, уместно напомнить о том, что в системе ценностей Канта важное место занимали достоинство личности, уважение и самоуважение личности, и попытаться определить место этих понятий в российском законодательстве.

С одной стороны, правовое значение понятия «уважение» в законодательстве, как правило, определяется через негативные формулировки «проявление неуважения» или «явное неуважение», – именно таким образом это понятие закрепляется в нормах уголовного и административного законодательства[11]. Если же обратиться к пониманию уважения в социологическом смысле, опираясь на его психолого-филологическое содержание, то станет понятно, что уважение – это не все то, что не рассматривается как «неуважение», право не может отражать все его аспекты, поскольку уважение есть внутреннее убеждение, чувство, положительное отношение, которое невозможно регулировать с помощью правовых норм.

С другой стороны, законодатель определяет необходимость уважения в семейных правоотношениях, между участниками образовательных отношений, в процессе труда и т.д., т.е. в нормативном порядке ориентирует общество на определенные этические нормы коммуникации. При этом возможное неуважительное поведение здесь не описывается в правовых нормах, находится за пределами правового регулирования[12].

Сегодня много пишут о ситуациях абьюза, троллинга, буллинга, «токсичных отношений» в разных коллективах и группах. Очевидно, что в основе этих явлений лежит факт отсутствия в сознании людей ценности абсолютно любой личности независимо от ее вклада в развитие общества, трудовых успехов, научных или спортивных достижений. Понятно, что уважение в социологическом смысле как внутреннее субъективное отношение индивидов к кому-либо основывается так или иначе на их субъективных оценках актов поведения либо общественной деятельности и не может быть одинаковым для всех членов сообщества. Но высоко оценивая вклад выдающихся граждан России, мы не должны умалять при этом достоинство «маленького человека», проживающего свою жизнь «в тени». Поэтому можно, вероятно, говорить о двух уровнях уважения человека: 1) уважение человека как такового, как равного существа; 2) уважение человека за достигнутые результаты – заслуги, наличие должности, статус в обществе и т.п. Именно первое требует воплощения в праве и особой правовой защиты.

Отметим, что прививавшийся в нашем правовом лексиконе термин «толерантность» не является синонимичным «уважению». Толерантность (терпимость, привыкание) все же больше ориентирована на внешние модели поведения, не направлена на формирование иных установок сознания, а предполагает лишь корректировку моделей поведения. Сегодняшние реалии требуют от юридической науки поиска таких правовых конструкций, которые обеспечивали бы стимулирование правомерного, уважительного и достойного поведения не через навязывание внешних форм, хотя это и формирует привычное поведение, а через воспитание, закрепление в правовых нормах этических идеалов и механизмов их защиты.

Т.В. Власова, заместитель зав. кафедрой теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук, доц. ***Формирование идеи правового государства в философии права И. Канта***

Исследование проблем правового государства будет неполным без обращения к трудам И. Канта. Несмотря на то что философом не представлено целостно

[11] Именно так сформулированы нормы Уголовного кодекса РФ о неуважении к суду, оскорблении памяти усопших, верующих, военнослужащих, т.н. закона о явном неуважении власти 2019 г. и др. В этом контексте наполнение понятия «уважение» определяется поведением субъекта права, которое оценивается через призму ненарушения установленных норм права, т.е. «от обратного».

[12] Это широко обсуждающиеся и наносящие большой вред здоровью и комфортному существованию людей проявления грубости в отношениях на работе и в семье, практики унижения и подавления в образовательной среде и т.д.

организованной концепции, он по праву считается одним из основоположников доктрины правового государства.

Являясь сторонником теории общественного договора, рассматривая при этом договор как «идею разума», Кант сформулировал собственное понимание гражданского устройства как отношения между свободными людьми, которые подчинены принудительным законам. Гражданское состояние, характеризуемое им как правовое, основывается на принципах свободы каждого члена общества, равенстве с другими, самостоятельности каждого как гражданина. Именно эти начала, по мнению ученого, позволяют создать государство «в соответствии с исходящими из чистого разума принципами внешнего человеческого права вообще»[13] и предопределяют право народа на создание законов, которые выражают его интересы.

Значительное внимание в трудах И. Канта уделяется исследованию человека, общества, государства. По мнению философа, человек одновременно свободен и несвободен, принадлежит к миру познаваемого и миру непознаваемого («вещей самих по себе»). Люди равны и должны иметь возможность благодаря своим талантам и упорству, не сталкиваясь с противодействием от иных лиц, достигнуть более высоких ступеней в обществе, чем те, на которых они находятся. Совершая поступки, человек должен понимать, что они могут стать общими правилами поведения. В основе наших деяний должно лежать субъективное осознание объективных последствий, в том числе понимание того, насколько поведение одного человека будет согласовано с интересами другого, сможет ли оно стать общим мерилом.

Определяя государство как объединение множества людей, подчиненных правовым законам[14], ученый не обходит вниманием и вопросы организации государственной власти. И. Кант является сторонником объединения власти в трех лицах: верховной власти, олицетворяющей суверенитет и действующей в лице законодателя; исполнительной власти, действующей в лице правителя, правящего согласно закону, осуществляющего управление и имеющего право принимать постановления (суть подзаконные акты); судебной власти в лице судьи, в том числе суда присяжных. Философ характеризует законодательную власть как воплощение объединенной и согласованной воли народа, отмечая при этом, что не все, а только обладающие гражданской самостоятельностью лица могут законодательствовать. Данное ограничение сочетается у него с провозглашением свободы и равенства людей. Формулируя «триединство» власти, Кант определяет основы ее функционирования: власти действуют в координации и субординации, не узурпируя функции друг друга, предоставляя подданным их права. Такая организация власти способствует достижению блага в государстве – «высшей степени согласованности государственного устройства с правовыми принципами, стремиться к которой обязывает нас разум через некий категорический императив»[15].

Исследование права в трудах И. Канта осуществляется в соотношении с моралью, свободой, долгом. Право, по Канту, относится к феномену (познаваемому), так как наш разум создает право и он же его познает. Право воплощается в законодательстве, системе законов, изданных для народа. С объективной стороны оно представляет «совокупность условий, при которых произвол одного [лица] совместим с произволом другого с точки зрения всеобщего закона свободы»[16]. Критерием соответствия закона ожиданиям людей выступает ответ на вопрос: принял бы народ такой закон для себя?

Философ утверждает, что в праве сочетаются всеобщее взаимное принуждение и свобода каждого. Законодатель обязан издавать свои законы так, «чтобы они могли исходить от объединенной воли целого народа»[17]. Критерием правового закона, позволяющим отделить его от неправового, по мнению Канта, выступает категорический императив, который гласит: «Поступай согласно максиме, которая в то же время может иметь силу всеобщего закона»[18]. Право представляет внешнюю форму выражения взаимных прав и обязанностей лиц, оно позволяет соотносить свободу одного со свободой другого в согласовании со всеобщим законом свободы.

Уделил внимание Кант и необходимости обеспечения свободы пользоваться публично своим разумом, позволяющей расширять познания, двигаться вперед, которую он также проецировал на государство и право, отмечая, что революция может устранить угнетение, но не осуществит «истинную реформу образа мыслей», а отказ от просвещения – нарушение прав человечества. Придя к выводу, что живет в век Просвещения, философ считал правильным решением для главы государства позволить подданным критиковать существующее законодательство и излагать свои мысли относительно его лучшего составления[19].

Сформулированные И. Кантом идеи не были оформлены в единую завершенную концепцию правового государства, но впоследствии нашли выражение в трудах многих, в том числе немецких (К. Велькера, Р. фон Моля и др.) философов, и стали основой для формирования либеральной концепции правового государства.

М.А. Беляев, доцент кафедры теории государства и права Университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА), канд. филос. наук.
Динамический характер понятия права и немецкая классическая философия

Чем более детально разработанной оказывается та или иная философская система, тем большим своеобразием наделяются все понятия, входящие в нее, даже если они первоначально вырабатывались для иных, более прикладных целей за пределами собственно философского интереса. В полной мере это характерно для представлений о праве в кантовской и гегелевской философии. Не случайно речь идет о стартовой точке развития немецкой классической философии и ее вершине, так как именно здесь можно наблюдать совокупную эволюцию представлений о человеке, обществе, государстве. Понятие права, данное И. Кантом, опирается на всеобщий закон свободы как нечто самодостаточное и самодостоверное с точки зрения разума. Если исключить эту универсальную понятность всеобщего закона из определения права, оно закономерным образом превращается в формальную конструкцию и по ценности ничем не отличается от приказа суверена (Дж. Остин). Если же сохранить этот атрибут, то перед кантовским определением можно поставить несколько вопросов эпистемологического

[13] *Кант И.* Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 79.

[14] См.: там же. С. 233.

[15] Там же. С. 234–240.

[16] Там же. С. 139.

[17] Там же. С. 87.

[18] Там же. С. 133.

[19] См.: *Кант И.* Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1966. Т. 6. С. 25–36.

свойства: во-первых, следует ли считать ошибкой различие между субъектами в понимании содержательной стороны политико-правовой всеобщности, во-вторых, если да, то какими средствами и в какой степени такая ошибка может быть скорректирована, в-третьих, каков характер аргументов, апеллируя к которым, можно добиться такой корректировки? Любое затруднение в ответе на данные вопросы снижает идейную привлекательность кантовского определения права и порождает сомнения в пригодности исключительно формального подхода. Однако, как впоследствии стало ясно благодаря Г. Гегелю, проблема определения права, которую необходимо как-то решить в рамках целостной концепции, состоит отнюдь не в формальности, а в номинализме, положенном в основу социальной онтологии в варианте Канта. По-видимому, для новоевропейской философии номинализм выступает ведущим направлением в метафизике, чье влияние простирается далеко за пределы дискурса об универсалиях, тем более что для политико-правовых дискуссий тема универсалий преломляется наиболее конкретно в образах гражданина (политического атома) и государства (конгломерата атомов без собственной сущности). Если предположить, что всеобщий закон свободы, или категорический императив, должен быть предметом взаимного признания, а это необходимое условие для превращения формального определения права в действительное, то возникает проблема примирения противостоящих друг другу истолкований свободы, свойственных индивидам-гражданам. Естественно, кантовский проект (что явно выражено в трактате «К вечному миру») предполагает возможность институционального строительства, в результате которого всеобщая разумность, данная человеку от природы, может быть делегирована на уровень институтов, в том числе государства. Однако это будет та же самая по содержанию разумность, любые отклонения от которой скрыто или явно порицаются. Реальное же устроение политики весьма далеко от номиналистической модели.

Гегель, постулируя идею права как наличное бытие свободной воли, демонстрирует категориальную связь права с государством. В его философской системе номинализм не устраняется до конца, но отчасти преодолевается переключением внимания с носителей воли на условия ее развертывания и бытования. В известной триаде «семья – гражданское общество – государство» именно государство выступает специфическим субъектом, поскольку, с одной стороны, у него наличествует собственное идейное содержание и автономное целеполагание, с другой – оно выступает условием полноценного существования и семьи, и гражданского общества. Если говорить в терминах метафизики, то Гегель в понимании государства находится где-то посередине между платонизмом и номинализмом. Вся гегелевская политическая триада и есть не что иное, как определение права в развернутой его форме. С философской точки зрения это означает, что некоторые существенные признаки права могут быть доступны субъекту благодаря персональной интуиции, другие – раскрываются только в актах взаимного признания, т.е. требуют коммуникации, а третьи, очевидно, всецело зависят от той итоговой политической конфигурации, в которой понятие права завершает свое становление. Иными словами, гегелевское понятие права, формально сохраняя приверженность критерию субъективной воли, отличается от кантовского открытостью и историческим характером формирования и проявления отдельных атрибутов. Данное обстоятельство делает гегелевскую формулировку более удачной с точки зрения эпистемологии, оставляя тем не менее возможности для онтологически ориентированной критики Гегеля (что и предприняли впоследствии Л. Фейербах и К. Маркс).

Как бы то ни было, заслугой двух великих немецких мыслителей – Канта и Гегеля – остается разработанная ими конструкция сопряжения в единой дефиниции формальных и содержательных сторон социального порядка, раскрытие которых мышлением в новых исторических условиях должно осуществляться всякий раз заново.

А. В. Пищулин, доцент кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, канд. юрид. наук. ***Правопонимание: практический смысл***

Обращаясь к известному высказыванию Канта о том, что юристы до сих пор ищут свое определение права, которое стало в известном смысле крылатым, можно утверждать, что оно до сих пор не утратило своей актуальности. О правопонимании как о фундаментальном вопросе теории государства и права юристы рассуждают постоянно, и скорее всего какие-либо однозначные ответы на него вообще не могут быть найдены. Проблема правопонимания может рассматриваться как вечная, и всего лишь можно делать все новые и новые попытки анализировать его. Плюрализм правопонимания обусловлен целым рядом факторов[20].

К теоретико-методологическим проблемам правопонимания ученые тоже обращаются довольно давно, однако зачастую рассматривают исключительно в теоретическом ключе, что обосновывают самой спецификой предмета обсуждаемой науки. Такая точка зрения, безусловно, имеет право на существование, однако нельзя не учитывать, что помимо теории государства и права существуют и другие отраслевые науки, а также юридическая практика. Отрыв проблематики правопонимания от отраслевых наук и порой явное нежелание юристов-теоретиков задумываться о практических аспектах правопонимания образует явный мировоззренческий разрыв между теорией государства и права и остальной юридической наукой и тем паче возводит стену непонимания между юристом-практиком и теоретиком. Концепции правопонимания, школы права, оторванные от всего многообразия правовой жизни, вполне цинично, но и отчасти резонно можно упрекнуть в том, что они являются специфической кабинетной философией. Действительно, погружаясь в интеллектуальный лабиринт некоторых типов правопонимания, зачастую появляется беспокойство: а какое отношение это имеет к реальной практике? А в том случае если тот или иной способ рассуждения о правопонимании не соответствует реально существующей практике или не может быть воплощен на практике, то какую функцию в рамках развития теоретико-правового знания он выполняет?

Из разговоров с юристами-практиками зачастую становится вполне ясно, что они порой даже не задумываются о вопросах, связанных с правопониманием. Это вряд ли означает, что теоретики государства и права должны впасть в некую другую крайность и от сугубо теоретических рассуждений перейти в противоположное: выстраивать свои рассуждения о правопонимании исключительно на потребу юридической практике. Представляется, что нужно

[20] 1. Оно стоит на стыке правоведения и других социальных наук и так или иначе отражает все новые мировоззренческие проблемы социальных наук в целом. 2. Оно серьезно погружено в культурный контекст того или иного общества, а в свою очередь, этот культурный контекст столь вариативен, что попытки привести правопонимание к единому знаменателю заранее обречены на провал.

найти в этом случае золотую середину. Не забывая о сугубо теоретико-правовых вопросах правопонимания, все же необходимо думать о том, как практически может воплощаться теоретико-правовая модель той или иной концепции правопонимания. Особенно серьезно встают эти вопросы перед т.н. новыми подходами к праву (например, перед коммуникативной школой права или постклассическим подходом).

Правопонимание должно системно анализировать не только признаки права, но и источники права, систему права, правоотношения, правосознание и реализацию права, т.е. охватывать как сугубо теоретические, так и практические вопросы. При таком подходе ту или иную школу права можно считать имеющей научный потенциал. Попытки же абстрактно рассуждать о праве, используя понятийный аппарат, далекий от теории государства и права, как раз и приводят некоторых авторов к выводам, весьма далеким от юридической практики.

О.М. Караташ, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. ***Категорический императив И. Канта и этико-правовые аспекты правдивости и обмана***

В период глобальных изменений в мире важно более усиленно осмыслять наследие великого философа, идеи которого возвышают, нацеливают общество и индивидов на совершенствование, взывая к исполнению нравственного долга. Поступки согласно автономии воли человека как свободной воли можно оценить с точки зрения нравственности. Мы должны поступать так, как указывает нам нравственный закон, и он должен иметь силу для каждого независимо от всех субъективных различий. В соответствии с категорическим императивом Канта каждое разумное существо есть цель сама по себе. Данное правило запрещает обращаться с человеком как с вещью, в том смысле, что не позволяет быть одному лицу принадлежностью другого.

Нравственные законы основаны на автономии воли, делают поступок долгом, включая в себя внутренние мотивы поступка (идею долга). На этом основании мы можем разграничить этическое законодательство и юридическое законодательство. Кант сформулировал похожий на принцип морали всеобщий правовой закон так: «поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом»[21]. Отдельный интерес с точки зрения права и морали представляет императив, согласно которому человек не должен лгать. Это требование необходимо соблюдать, так как если ложь станет всеобщим поведением, то люди перестанут верить друг другу, и договоренности станут излишними. Несоблюдение требования не лгать нарушает нравственный закон, повелевающий смотреть на каждого человека как на цель, поскольку человек, действующий путем обмана, относится к другому как к средству для достижения своей цели.

В короткой статье «О мнимом праве лгать из человеколюбия» (1797) Кант поясняет, что неправдивость есть нарушение обязанности к самому себе. Ложь всегда вредна кому-нибудь и может повлечь юридическую ответственность, какие бы добрые намерения не имел при этом лжец. Философ не допускает добродушную ложь и полагает, что нельзя лгать, даже если злоумышленник спрашивает, дома ли тот, кого он задумал убить. Невозможно быть уверенным в том, что ложь окажется спасительной, поэтому нужно неуклонно следовать требованию категорического императива и говорить правду. Кант делает акцент на правдивости в показаниях, тем самым подчеркивая возможность наступления юридических последствий.

Обман или ложь в общественной жизни могут проявляться в разных формах: обман стороны в сделке, обман потребителя, подделка документов, фальсификация доказательств, мошенничество, служебный подлог, плагиат, фейки и др. Полного запрета на обман в законодательстве не сформулировано. Как в этическом, так и в правовом аспекте обязующая сила нормы «не лги» исходит из того, что основанное на обмане общество немыслимо, а правдивость обеспечила бы мир на вечные времена.

Обязанность говорить правду, по Канту, нужно исполнять безусловно по отношению ко всем возможным лицам, в том числе к тем, которые сами не говорят правду. Человек, действующий путем обмана, относится к другому как к средству для достижения своей цели, в результате чего нарушается категорический императив. Субъекты правотворчества не берут за основу кантовский императив и только в определенных случаях предусматривают в нормах права юридические последствия обмана. Отдельное внимание вызывает обман или ложь в суде, когда имеющая значение информация по делу полностью или частично не соответствует действительности.

Ложь и обман отдаляют нас от реальности и нравственных принципов в современном бурно меняющемся мире, и в этом смысле учение Канта представляется как побуждение для каждого обратиться к своему нравственному сознанию и быть правдивыми. Идеи Канта нуждаются в дальнейших исследованиях философов, правоведов, психологов, педагогов, политологов и др. Кант исполнил свой долг перед человечеством, воспринимая его идеи, можно совершенствоваться и доверять большему количеству лиц.

М.А. Белова, доцент кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. ***Категория «идея права» в учении И. Канта и в неокантианстве Германии***

Исследуя этапы развития категории «идея права» в учении И. Канта, следует отметить, что в первой части главного труда мыслителя по философии права «Метафизика нравственности» «Метафизические начала учения о праве» понятие «правовая идея» (Rechtsidee), или «идея права» (Idee des Rechts), не упоминается (в отличие от таких понятий, как «идея государства» (Idee des Staates) или «идея конституции» (Idee der Staats Verfassung).

«Идея права» впервые появляется в небольшом, довольно популярном философском труде «О вечном мире» (1795). В неопубликованных «Предварительных трудах по метафизике нравственности» (Vorarbeiten zur Metaphysik der Sitten) Кант формулирует понятие права следующим образом: «Право (формально) есть *идея*, которой не может быть дан в опыте соответствующий предмет»[22].

Чтобы ответить на вопрос, почему Кант отказался от «идеи права», необходимо прежде всего указать на то, что различие между «понятием» и «идеей» было основополагающим для его философской системы. Понятие всегда косвенно относится к объекту восприятия, причем чистое понятие имеет свое начало только в рассудке,

[21] *Кант И.* Метафизика нравов. С. 286.

[22] Цит. по: *Pfordten D. von der.* Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann // Value Pluralism, Tolerance and Law / ed. Shing-I Liu, Taipei. Taiwan, 2004. S. 5.

а эмпирическое – также в чувствах. Лишь такая композиция чистых понятий, которая превосходит возможность опыта и как безусловное делает возможной совокупность условий, есть то, что Кант называет «идеей»[23]. Идеи, в отличие от понятий, не связаны с опытом. Поэтому для Канта они ненадежны (сомнительны) с теоретической точки зрения, так как всякое познание предметов предполагает чувственное созерцание.

В 60-е годы XIX в. в Германии зародилось философское течение, развивавшее учение Канта в духе последовательного проведения в жизнь основных принципов его трансцендентально-критической методологии.

Что касается категории «идея права», для баденской школы неокантианства центральным было не понятие идеи, акцент был сделан на ценности. Согласно В. Виндельбанду, философия может продолжить существовать только как учение об истинных (универсальных) ценностях. «Теория ценностей» призвана стать новой фундаментальной философской наукой[24].

У Г. Риккерта термин «идея» хотя и возникает эпизодически, однако нигде не занимает центрального, независимого от термина «ценность» положения. Для Г. Риккерта, как и для И. Канта, «целостность реальности» есть «идея».

В «Философии права» Э. Ласка термин «идея» упоминается в связи не с правом как таковым, т.е. в контексте «идеи права», а только со справедливостью – как сочетание «идея справедливости». В этой части труда Э. Ласк характеризует не связанное конкретно с автором «позитивное ценностное значение права», но отвергает любое единое (стандартное) определение справедливости[25].

В учениях представителей марбургской школы неокантианства в отличие от баденской понятие «ценность» не играло существенной роли, напротив, значительное влияние приобрело понятие «идея». В «Этике чистой воли» Г. Когена также упоминаются этические, или моральные, идеи, в одном месте даже встречается термин «идея права»[26]. Но нельзя утверждать, что понятие идеи у Когена уже занимает центральное положение, сравнимое с понятием воли.

В ранних работах Р. Штаммлера идеи упоминаются, при этом признается также их влияние на формирование и оформление права согласно материалистическому пониманию истории, даже если их истоки восходят к материальным основам социальной жизни. Вместе с тем понятие идеи не получает какого-либо конкретного уточнения и не приобретает особого значения.

Однако ситуация меняется в монументальном труде Р. Штаммлера «Теория юриспруденции» (1911), где в разделе «Идея права» автор описывает идею права как «путеводную звезду» права и определяет ее следующим образом: «Мы называем идеей права для теории правоведения мысль об абсолютно действенном процедурном способе, единообразно управляющем всеми когда-либо возможными целями и средствами»[27].

Г. Радбрух в труде «Основы философии права» (1914) выдвигает тезис о том, что идея права является не только мерилом законности права, т.е. центральным элементом для оценки справедливости права на уровне правовой этики, но также становится существенной составляющей для теоретико-правового понятия права: «Право – это сущностное образование, служащее основанием и местом действия для правовой ценности, идеи права – всеми этими оборотами можно описать, что понятие права строго отличается от понятия правильного права и при этом может быть выведено только из него, и что, как было указано ранее, вопрос о понятии, не совпадая с вопросом о цели права, все же предрешен. Поэтому для того, чтобы определить положение понятия права в сфере культуры, сначала должно быть установлено место идеи права в мире ценностей...»[28].

В 20-е годы Радбрухом были опубликованы три сочинения, в названиях которых упоминалась «идея права»: «Идея права и правовая материя. Очерк» (1923/24), «Проблематика идеи права» (1924), «Классовое право и идея права» (1929). Необходимо отметить, что в немногих новых трудах, написанных после 1945 г., Радбрух явно избегал (по крайней мере терминологически) «идею права» и тезис о том, что понятие права может быть определено только со ссылкой на идею права. Теперь он анализирует соотношение права и справедливости. Так, в «Пяти минутах философии права» Радбрух пишет: «Право есть воля, стремящаяся к справедливости»[29].

Самый известный ученик Г. Радбруха А. Кауфман полностью не отверг формулировки и конкретизацию двух основных вопросов философии права как вопроса об идее права, однако он не продолжил развитие позиции о центральной роли идеи права, как это было в системе философии права его учителя. Кауфман ограничил «идею права» только практическим поиском справедливости права. Он разорвал связь между теорией права и правовой этикой, которую установил Радбрух через понятие «идея права».

Насколько можно судить, в дальнейшем из учеников Кауфмана никто не продолжил уделять центральное, как у Радбруха, или лишь сильно ограниченное, как у Кауфмана, внимание идее права. Таким образом, можно констатировать, что произошло фундаментальное изменение в отношении существенного теоретического элемента идеи права: стремительный подъем идеи права у Р. Штаммлера, Г. Радбруха, простое второстепенное и крайне ограниченное использование у А. Кауфмана и полное исчезновение у его учеников.

Можно предположить различные причины отказа А. Кауфмана от идеи права. Несмотря на то что изначально термин «идея права» не имел такого значения, с 20-х годов, как отмечает Д. Пфордтен, он стал ассоциироваться с возрождающимся неогегельянством[30]. В то же время некоторые философы права, подчеркивающие мысль об «идее права», стали национал-социалистами (Р. Штаммлер, Ю. Биндер, К. Ларенц, К.А. Эмге). Таким образом, термин «идея права» был дискредитирован как неогегельянский и национал-социалистический. Кроме того, понятие «идея права» с его спекулятивно-аперсональными смысловыми элементами не обещало никакой помощи в поисках нового, наиболее устойчивого личностно-онтологического

[23] *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1781. S. 180.

[24] См.: *Windelband W.* Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Altenmünster, 2012. S. 564.

[25] *Pfordten D. von der.* Op. cit. S. 16.

[26] *Cohen H.* Ethik des reinen Willens. Berlin, 1904. S. 600.

[27] Цит. по: *Pfordten D. von der.* Op. cit. S. 20.

[28] *Radbruch G.* Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. S. 39ff.

[29] *Radbruch G.* Rechtsphilosophie. Studienausgabe. Heidelberg, 1999. S. 209.

[30] См.: *Pfordten D. von der.* Op. cit. S. 28.

основания права и справедливости. Для создания такого основания было более логичным обратиться к естественному праву, чем к понятию «идея права».

Т.С. Лесовая, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. ***Интегративное правопонимание в отечественной юридической науке и практике***

Известное высказывание И. Канта о том, что «юристы и до сих пор ищут дефиницию для своего понятия права»[31], не теряет актуальность и в современный период. В настоящее время в научной литературе исследование природы и сущности права осуществляется на основе классических монистических подходов, в частности естественно-правового, позитивистского, социологического, материалистического и др., а также в рамках интегративного (синтетического) правопонимания. Формирование и развитие последнего из названных обусловливается необходимостью установления новых концепций при рассмотрении уже существующих, а также возникающих теоретических и практических правовых проблем, объективно требующих иного осмысления с целью дальнейшего развития как российской юридической науки, так и правотворческой, правоприменительной деятельности в государстве. В этой связи считаем справедливой позицию ученых, что все вышеназванные подходы к пониманию права «имеют равное право на существование»[32] и важны для науки[33].

Интегративное правопонимание в определенной степени представляет собой объединение отдельных элементов классических монистических подходов, чаще всего юридического позитивизма, социологического и естественно-правового. При этом, например, Н.В. Евдеева отмечает, что интегративный тип правопонимания – это «принципиально новое, а не дополненное понимание права»[34]. Плюрализм мнений относительно концепций, складывающихся в рамках рассматриваемого подхода, можно отметить не только в прошлом, но и на современном этапе развития юридической мысли. К сторонникам такого направления в настоящее время в России можно отнести В.В. Ершова, В.В. Лазарева, А.В. Полякова, Р.А. Ромашова, В.М. Шафирова и др.

Например, В.В. Ершов пишет, что право характеризуется в том числе «объективным синтезом различных типов правопонимания» и «объективируется в однородных правовых элементах – прежде всего принципах и нормах права, содержащихся в единой, развивающейся и многоуровневой системе форм национального и (или) международного права, реализуемых в государстве»[35].

В научных работах В.В. Лазарева содержится авторское «рабочее определение» права, в котором прослеживаются идеи нормативного, естественно-правового и социологического подходов. Так, «это совокупность признаваемых в данном обществе и обеспеченных официальной защитой нормативов равенства и справедливости, регулирующих борьбу и согласование свободных воль в их взаимоотношении друг с другом»[36].

Следует отметить, что интегративное правопонимание имеет не только теоретико-методологическую, но и практическую значимость, поскольку полученные результаты научных исследований не представляют ценности без их прикладной реализации[37].

Представляется, что в целом дискуссии по вопросам, связанным с интегративной природой права, в большей степени носят положительный характер и приводят к углублению познания закономерностей его существования и развития. Достижения науки в исследовании данных проблем находят свое выражение и в учебной литературе, что, на наш взгляд, способствует получению обучающимися разносторонних знаний, формированию у них критического мышления, в будущем – успешному осуществлению практической деятельности.

З.В. Соломко, доцент кафедры теории права, государства и судебной власти Российского государственного университета правосудия, канд. юрид. наук. ***Кант и неокантианство в марксистской перспективе***

Известна мысль Маркса о том, что Кант создал «немецкую теорию французской революции»[38]. В силу экономической отсталости Германии эта теория отличалась умеренностью и противоречивостью, и философия права Канта в этом отношении особенно показательна: не случайно марксисты оценивали ее как самую слабую часть его философии[39]. В кантовском учении о праве господствует не «метод исторического рассмотрения», а «метод догматического формализма»[40], должное противостоит и противоречит сущему, правовой идеал остается утопическим. «Рисуя... совершенный, из разума вытекающий правовой строй, Кант, – по замечанию И. Разумовского, – нередко сбивается на апологетику современных ему порядков»[41], а тезис о свободе воли уживается с требованием безусловного повиновения существующей власти. Вместе с тем марксизм рассматривает учение Канта как «необходимый и весьма важный исторический этап философского и философско-правового развития»[42]. Кант расчищает почву этики

---

[31] *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. яз. М., 1999. С. 549.

[32] *Фролова Е.А.* Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32.

[33] См.: *Корнев В.Н.* Монистические и интегративные (синтетические) теории обоснования природы государства и права // Росс. правосудие. 2017. № 5 (133). С. 27.

[34] *Евдеева Н.В.* Интегративные теории правопонимания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 11.

[35] *Ершов В.В.* Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 60.

[36] *Лазарев В.В.* Поиск права // Журнал росс. права. 2004. № 7 (91). С. 13; *Его же.* Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 27.

[37] Так, концепция интегративного правопонимания, разрабатываемая В.В. Ершовым, представляется практически ориентированной. Сформулированные предложения ученого могут быть использованы в правотворческой деятельности, поскольку позволяют ее субъектам проводить разграничение правовых с неправовыми регуляторами, рассматривать реально складывающиеся в обществе правоотношения в качестве правообразующих факторов, осуществлять конкретизацию права в целях достижения большей степени его определенности. В правоприменительной деятельности положения рассматриваемой концепции могут быть использованы при разрешении конкретного юридического дела, в котором субъект, осуществляющий ее, в случае установления пробела, например, применяет принципы права.

[38] *Маркс К.* Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 88.

[39] См.: *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства // Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 200.

[40] *Разумовский И.П.* Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 87.

[41] Там же. С. 86.

[42] Там же. С. 85 (сноска).

и права от религии и старой метафизики, а априорные, выведенные только из «разума» элементы его социального идеала – это, как писал Э.В. Ильенков, попытка спасти идеалы Французской революции[43].

Исторически обусловленные заблуждения кантовской философии права преодолевались по мере того, как развертывала и проясняла себя сама буржуазная форма общественной жизни. На смену кантовским поискам «источника суждений» о праве «в одном лишь разуме»[44] приходит осознание того, что право можно помыслить только как часть развивающейся «тотальности» общественного бытия, которая берется во всех ее конкретных противоречиях. Понятие самоопределяющейся «свободной воли» благодаря Гегелю уступает место понятию воли, диалектически вплетенной в трезво увиденное наличное бытие. И хотя за сложным процессом общественного развития у Гегеля в конечном счете стоит «абсолютный дух», гегелевская философия права с ее пристальным вниманием к конкретной целостности социального организма не оставляет места для выхолощенного дуализма сущего и должного.

Позднее происходит открытие основного детерминанта права – место «абсолютной идеи» занимает социальная материя. Воля, которая Кантом мыслилась как свободная, обрастает плотью производственных отношений и раскрывается как «возведенная в закон воля» господствующего класса, «содержание которой определяется материальными условиями жизни»[45]. Марксизм вскрывает и истинную логику бытия социальных идеалов: они мыслятся в качестве предчувствия новых, более прогрессивных общественных отношений и одновременно как реальное движение, которое уничтожает наличное состояние – тем самым они обретают твердую почву в самом бытии, а не в одном лишь «разуме».

Без Гегеля и Маркса, а не только без О. Конта, не было бы «социологического поворота» в правопонимании конца XIX – начала XX в. Примечательно, что представители социологического правопонимания одну из главных задач науки права видели в преодолении неокантианских установок – «априоризма», дихотомии должного и сущего и того самого «догматического формализма». В этом отношении представляет большой интерес противостояние «социологистов» и неокантианцев в дореволюционной российской теории права. Столкнувшись с реальностью российского периферийного капитализма, с тем, что правовые формы, так или иначе работающие в обществах классического капитализма, отторгались периферийным правопорядком, первопроходцы социологического правопонимания (С. Муромцев, Н. Коркунов, М. Ковалевский) стали настойчиво призывать к изучению права в контексте обусловливающих его социальных интересов, к изучению правоотношений в их реальной социальной обусловленности. Российские же неокантианцы, провозгласив лозунг «Назад к Канту!», по сути, ударились в идейный эскапизм и в лице некоторых теоретиков вернулись даже не к Канту, а к религиозным спекуляциям.

Попутно выяснялось, что возвышенные неокантианские идеалы вполне совместимы с защитой эксплуатации и помещичьей собственности на землю[46]. Критикуя этико-правовые взгляды Канта, классики марксизма писали, что центральное понятие его практической философии – «добрая воля», осуществление которой перенесено в «потусторонний мир», «вполне соответствует бессилию, придавленности и убожеству немецких бюргеров»[47]. То же самое можно сказать и о тех слоях и силах дореволюционного российского общества, которые как за спасательный круг хватались за неокантианские правовые «ценности».

В сходном формате возродилось неокантианство, во многом своего рода стихийное, и в постсоветской теории права, где оно, по сути, служило и продолжает служить идеологическим прикрытием возрожденного периферийного капитализма[48]. Именем Канта зачастую маскируется дело, глубоко чуждое наиболее ценным идеям его философии. Кант, как и любой выдающийся мыслитель, пытался честно решать главные проблемы своего времени – настолько, насколько это позволял сделать научный горизонт эпохи. Главной проблемой эпохи Канта было осмысление Французской революции и подготовка буржуазной революции в Германии, осмысление становящегося капитализма. И хотя Кант многие противоречия того времени не мог назвать своими именами, он дал удивительно точные характеристики буржуазному обществу, определив его как явление «недоброжелательной общительности», несовместимое с подлинной общественностью[49].

Главная проблема нашего времени – все та же «недоброжелательная общительность» позднего капитализма с его гигантским социальным неравенством, классовым и прочим угнетением, сверхконцентрацией частной собственности в руках немногих и крайне неравномерным распределением других социальных капиталов. В отличие от времени Канта современная наука, в том числе юридическая, уже может называть эти явления их настоящим именем и пытаться их решать неиллюзорным способом – полагаем, в этом и состояла бы верность истинным интенциям кантовской философии.

Б.В. Лесив, государственный советник 3 класса, канд. юрид. наук. *И. Кант и О. Холмс: метафизика нравственности с точки зрения правового реализма*

Поиск точек соприкосновения между американскими прагматическими взглядами на право и философией И. Канта не менее познавателен для уяснения принципов, которые повлияли на развитие общего права, чем «чистое» абстрагированное погружение в труды американских мыслителей.

Правовой прагматизм и реализм стали известным антагонистом не только естественного права и юридического позитивизма, но и кантианских метафизических моделей долженствования. Центральный акцент на разуме и сознании как источнике понятия о должном, субъективное восприятие права, формально доказываемые принципы свободы, равенства и самоцели личности стали камнем

[43] См. об этом: *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 68–80.

[44] *Кант И.* Метафизика нравов: в 2 ч. // Кант И. Соч.: в 6 т. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

[45] *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 4. С. 443.

[46] См.: *Луначарский А.* Заметки философа. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. 1906. № 3. С. 96–99.

[47] *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 3. С. 182.

[48] См. об этом: *Соломко З.В.* На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Пробелы в росс. законодательстве. 2012. № 1. С. 229–232.

[49] См. об этом: *Лифшиц М.А.* Поэтическая справедливость. М., 1993. С. 238, 239.

преткновения и поводом для дискуссии. В этом плане познание прагматического и реалистического подходов будет неполным, если озадачиваться лишь их автономным прочтением, не имея представления об идеях Канта и его последователей.

Метафизика Канта, развитая последними в практическом направлении (в качестве метода поиска ответа на вопрос, как поступить в конкретной ситуации), сталкиваясь с объяснением хода создания и «живого» развития common law в трудах О. Холмса, неизбежно порождала плодотворную дискуссию – холмсовский правовой *реализм* самим своим именем обязан сопоставлению с *идеализмом* и *формализмом*.

Интересно, что Кант и Холмс сходятся в определении отправных точек философии права. Как Кант осуждал практику «отеческого правления» и говорил, что никто не может принуждать человека быть счастливым по образцу[50], Холмс принципиально отрицал возможность навязывания людям извне каких-либо правил поведения. Парадоксально, но множество наблюдений Холмса можно рассматривать как своего рода практическое (де-факто) воплощение идей Канта и кантианцев[51]. Кантианцы и Холмс были согласными критиками позитивизма, отвергавшими силлогистическую «спекуляцию»[52], и сторонниками демократичности права в смысле отрицания легитимности голого насилия. Однако они расходились в видении того, какими методами эта демократичность реально достижима.

В трудах Холмса полемика с Кантом и его сторонниками часто встречается при анализе реально действовавших правовых институтов, исторические закономерности возникновения и развития которых, по убеждению Холмса, не соответствовали попыткам их объяснения с точки зрения кантианства. В цикле «Общее право» Холмс горячо полемизирует с кантовским и гегельянским обоснованием понятия юридической ответственности и института владения в гражданском праве; в статье «Естественное право» реальные закономерности права на жизнь он противопоставляет кантовской «личности как самоцели»; в статье «Идеалы и сомнения» отражены общефилософские сомнения Холмса о прокламируемом в кантианстве отношении сознания к Вселенной.

Трудности совмещения чистой теории Канта с реалиями развивавшегося общества не были открытием Холмса – именно они стали одной из причин пробуждения неокантианцев в Европе[53]. Однако в отличие от последних Холмс полагал изначально ошибочным поиск правовой нормы при помощи абстрагированного разума, пусть даже и проецируемого на потребности людей и социальные процессы, поскольку это не соответствует реальному бытию права в человеческой цивилизации. Главное призвание теории права, по Холмсу, в том, «чтобы она соответствовала фактам; [она] должна разъяснять наблюдаемый ход развития права»[54], а не стремиться «к совершенствованию данного» для достижения определенной высшей цели-ценности, как это представляли кантианцы[55].

Во-первых, Холмс выступал против приписывания праву морально-ценностных элементов, объявления его и общества телеологической системой, имеющей определенную задачу-критерий оценки. Во-вторых, Холмс не признавал «стремление соединить идеальные формы с эмпирикой»[56] вместо выявления права из самой эмпирики (первичность казусов и опыта, а не разума). Он критиковал немецкую школу права, находившуюся под влиянием Канта, за попытки с помощью кантовских аксиом и логики, без опытной индукции построить систему взаимоувязанных правовых норм (пирамида Пухты). В-третьих, рассматривая теорию права как разъяснение наблюдаемого (а не желаемого) права, Холмс не мог согласиться с идеей человечности (человек-самоцель), поскольку она не обязательно отражает опытные закономерности взаимодействия людей и результат борьбы конкурирующих мнений-интересов применительно к конкретным отношениям в конкретном обществе, а проектируется как универсальная формула, равно хорошая для любого общества. Наконец, центральная категория в философии права Холмса – averageprudentman – связана не с чистым разумом человека, а с его опытом, который объективируется через разум. Члены жюри выносят вердикт, исходя не из разумного рассмотрения ситуации с позиций категорического императива, а из опыта их повседневной жизни – достижения собственных целей без причинения вреда окружающим.

В отличие от кантианцев Холмс считал, что процесс развития права является постепенным и последовательным[57] по мере того, как развиваются сами члены общества и условия вокруг них. Поэтому он был приверженцем «накопительного эффекта» прецедентного права – выведения норм из накопленной мудрости общества, плеяды казусов-опыта, – а не реформаторства через представительство или референдум (П.И. Новгородцев), которые смещают акцент от опыта в пользу сознания.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Гурвич Г.Д.* Будущность демократии // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 1.
2. *Евдеева Н.В.* Интегративные теории правопонимания в современной России: дис. ... канд. юрид. наук. Н. Новгород, 2005. С. 11.
3. *Ершов В.В.* Регулирование правоотношений. М., 2020. С. 60.
4. *Жуков В.Н.* Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 15.
5. *Ильенков Э.В.* Об идолах и идеалах. М., 1968. С. 68–80.
6. *Кант И.* Критика чистого разума // Кант И. Соч.: в 8 т. М., 1994. Т. 3. С. 151, 153, 154.
7. *Кант И.* Критика чистого разума / пер. с нем. Н.О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. яз. М., 1999. С. 549.

[50] См.: *Фролова Е.А.* Рациональные основания права: классика и современность. М., 2020.

[51] Принципы работы жюри как своеобразное воплощение второй формулы категорического императива, отрицание субъективности чувств членов жюри как отделение сиюминутных настроений от долженствования в чистой форме; индуктивный переход от казусов по мере их накопления к понятию о норме как рационализация социальных отношений с помощью норм после иррационального хаотического движения юридических фактов и т.д.

[52] *Holmes O.W.* The Common Law. Cambridge, Mass., 2009. P. 187.

[53] См.: *Жуков В.Н.* Кантианство и неокантианство в русской социологии права // Государство и право. 2015. № 9. С. 15.

[54] *Holmes O.W.* Op. cit. P. 191.

[55] См.: *Фролова Е.А.* Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему». С. 45.

[56] См.: *Фролова Е.А.* Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2021.

[57] См.: *Лесив Б.В.* Предсказуемость права и предсказание судебных решений в учении О. Холмса // Правосудие. 2023. Т. 5. № 2. С. 43–66.

8. *Кант И.* Метафизика нравов. М., 2007. С. 75, 286.

9. *Кант И.* Метафизика нравов: в 2 ч. // Кант И. Соч.: в 6 т. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 139.

10. *Кант И.* Соч.: в 6 т. / под общ. ред. В.Ф. Асмуса, А.В. Гулыги, Т.И. Ойзермана. М., 1965. Т. 4. Ч. 2. С. 79, 87, 133, 139, 233–240; 1966. Т. 6. С. 25–36.

11. *Кант И.* Спор факультетов / пер. с нем. Ц.Г. Арзаканяна, И.Д. Копцева, М.И. Левиной; отв. ред. Л.А. Калинников. Калининград, 2002. С. 62.

12. *Корнев В.Н.* Монистические и интегративные (синтетические) теории обоснования природы государства и права // Росс. правосудие. 2017. № 5 (133). С. 27.

13. *Лазарев В.В.* Интегративное восприятие права // Юридическая наука: история и современность. 2017. № 2. С. 27.

14. *Лазарев В.В.* Поиск права // Журнал росс. права. 2004. № 7 (91). С. 13.

15. *Лесив Б.В.* Предсказуемость права и предсказание судебных решений в учении О. Холмса // Правосудие. 2023. Т. 5. № 2. С. 43–66.

16. *Лифшиц М.А.* Поэтическая справедливость. М., 1993. С. 238, 239.

17. *Лукьянчикова Л.В.* Вопросы народовластия в политико-философской мысли русского зарубежья // Право и государство: теория и практика. 2010. № 12 (72). С. 144–148.

18. *Луначарский А.* Заметки философа. Экскурсии на «Полярную Звезду» и в окрестности // Образование. 1906. № 3. С. 96–99.

19. *Маркс К.* Философский манифест исторической школы права // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 1. С. 88.

20. *Маркс К., Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 4. С. 443.

21. *Маркс К., Энгельс Ф.* Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955. Т. 3. С. 182.

22. *Разумовский И.П.* Проблемы марксистской теории права. М., 1925. С. 85–87.

23. *Соломко З.В.* На кругах юридического неокантианства: к вопросу о феномене рецепции кантовской философии права в российском правопонимании // Пробелы в росс. законодательстве. 2012. № 1. С. 229–232.

24. *Стучка П.И.* Революционная роль права и государства // Стучка П.И. Избр. произв. по марксистско-ленинской теории права. Рига, 1964. С. 200.

25. *Тургенев И.* Записки охотника: очерки. СПб., 2019. С. 170.

26. *Фролова Е.А.* Методологический плюрализм правопонимания: проблемы теории и философии права // Правосудие. 2021. Т. 3. № 3. С. 17–32.

27. *Фролова Е.А.* Методология неокантианской философии права: переход от «должного» к «сущему» // Государство и право. 2023. № 4. С. 42–49.

28. *Фролова Е.А.* Рациональные основания права: классика и современность. М., 2020.

29. *Фролова Е.А.* Философия права в России: неокантианство (вторая половина XIX – первая половина XX века). М., 2021.

30. *Чиркин С.В.* Современные подходы к конструкции верховенства права [гл. V] // Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / под ред. Т.Я. Хабриевой, А.Я. Ковлера. М., 2024. С. 173.

31. *Cohen H.* Ethik des reinen Willens. Berlin, 1904. S. 600.

32. *Holmes O.W.* The Common Law. Cambridge, Mass., 2009. Pp. 187, 191.

33. *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1781. S. 180.

34. *Pfordten D. von der.* Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann // Value Pluralism, Tolerance and Law / ed. Shing-I Liu, Taipei. Taiwan, 2004. S. 5, 16, 20, 28.

35. *Radbruch G.* Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. S. 39ff.

36. *Radbruch G.* Rechtsphilosophie. Studienausgabe. Heidelberg, 1999. S. 209.

37. *Windelband W.* Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Altenmünster, 2012. S. 564.

REFERENCES

1. *Gurvich G.D.* The future of democracy // Journal of Sociology and Social Anthropology. 2000. Vol. III. No. 1 (in Russ.).

2. *Evdeeva N.V.* Integrative theories of legal understanding in modern Russia: dis. ... PhD in Law. N. Novgorod, 2005. P. 11 (in Russ.).

3. *Ershov V.V.* Regulation of legal relations. M., 2020. P. 60 (in Russ.).

4. *Zhukov V.N.* Kantianism and Neo-Kantianism in the Russian Sociology of Law // State and Law. 2015. No. 9. P. 15 (in Russ.).

5. *Ilyenkov E.V.* On idols and ideals. M., 1968. Pp. 68–80 (in Russ.).

6. *Kant I.* Critique of pure reason // Kant I. Essays: in 8 vols. M., 1994. Vol. 3. Pp. 151, 153, 154 (in Russ.).

7. *Kant I.* Critique of pure reason / transl. from German by N.O. Lossky with variants translated into Russian and European languages. M., 1999. P. 549 (in Russ.).

8. *Kant I.* Metaphysics of morals. M., 2007. Pp. 75, 286 (in Russ.).

9. *Kant I.* Metaphysics of morals: in 2 parts // Kant I. Essays: in 6 vols. M., 1965. Vol. 4. Part 2. P. 139 (in Russ.).

10. *Kant I.* Essays: in 6 vols. / under the general ed. of V.F. Asmus, A.V. Gulygi, T.I. Oizerman. M., 1965. Vol. 4. Part 2. Pp. 79, 87, 133, 139, 233–240; 1966. Vol. 6. Pp. 25–36 (in Russ.).

11. *Kant I.* Dispute of faculties / trans. from German Ts.G. Arzakanyan, I.D. Koptsev, M.I. Levina; ed. L.A. Kalinnikov. Kaliningrad, 2002. P. 62 (in Russ.).

12. *Kornev V.N.* Monistic and integrative (synthetic) theories of substantiation of the nature of the state and law // Russ. Justice. 2017. No. 5 (133). P. 27 (in Russ.).

13. *Lazarev V.V.* Integrative perception of law // Legal science: history and modernity. 2017. No. 2. P. 27 (in Russ.).

14. *Lazarev V.V.* Search for law // Journal Russ. law. 2004. No. 7 (91). P. 13 (in Russ.).

15. *Lesiv B.V.* Predictability of law and prediction of judicial decisions in the teachings of O. Holmes // Justice. 2023. Vol. 5. No. 2. Pp. 43–66 (in Russ.).

16. *Lifshits M.A.* Poetic justice. M., 1993. Pp. 238, 239 (in Russ.).

17. *Lukyanchikova L.V.* Issues of democracy in the political and philosophical thought of the Russian diaspora // Law and the State: Theory and Practice. 2010. No. 12 (72). Pp. 144–148 (in Russ.).

18. *Lunacharsky A.* Notes of the philosopher. Excursions to the "Polar Star" and its surroundings // Education. 1906. No. 3. Pp. 96–99 (in Russ.).

19. *Marx K.* Philosophical manifesto of the historical school of law // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 1. P. 88 (in Russ.).

20. *Marx K., Engels F.* Manifesto of the Communist Party // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 4. P. 443 (in Russ.).

21. *Marx K., Engels F.* German ideology // Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. M., 1955. Vol. 3. P. 182 (in Russ.).

22. *Razumovsky I.P.* Problems of the Marxist theory of law. M., 1925. Pp. 85–87 (in Russ.).

23. *Solomko Z.V.* In the circles of legal Neo-Kantianism: on the phenomenon of reception of Kantian Philosophy of Law in Russian legal understanding // Gaps in Russ. legislation. 2012. No. 1. Pp. 229–232 (in Russ.).

24. *Stuchka P.I.* The revolutionary role of law and the state // Stuchka P.I. Elected speaker according to the Marxist-Leninist theory of law. Riga, 1964. P. 200 (in Russ.).

25. *Turgenev I.* Notes of a hunter: essays. SPb., 2019. P. 170 (in Russ.).

26. *Frolova E.A.* Methodological pluralism of legal understanding: problems of theory and Philosophy of Law // Justice. 2021. Vol. 3. No. 3. Pp. 17–32 (in Russ.).

27. *Frolova E.A.* Methodology of the Neo-Kantian Philosophy of Law: the transition from "due" to "existing" // State and Law. 2023. No. 4. Pp. 42–49 (in Russ.).

28. *Frolova E.A.* Rational grounds of law: classics and modernity. M., 2020 (in Russ.).

29. *Frolova E.A.* Philosophy of Law in Russia: Neo-Kantianism (the second half of the XIX – the first half of the XX century). M., 2021 (in Russ.).

30. *Chirkin S.V.* Modern approaches to the construction of the Rule of Law [chap. V] // Modern concepts of the Rule of Law and the Rule-of-Law State: a comparative legal study / ed. by T. Ya. Khabrieva, A. Ya. Kovler. M., 2024. P. 173 (in Russ.).

31. *Cohen H.* Ethik des reinen Willens. Berlin, 1904. S. 600.

32. *Holmes O.W.* The Common Law. Cambridge, Mass., 2009. Pp. 187, 191.

33. *Kant I.* Kritik der reinen Vernunft. Königsberg, 1781. S. 180.

34. *Pfordten D. von der.* Die Rechtsidee bei Kant, Hegel, Stammler, Radbruch und Kaufmann // Value Pluralism, Tolerance and Law / ed. Shing-I Liu, Taipei. Taiwan, 2004. S. 5, 16, 20, 28.

35. *Radbruch G.* Grundzüge der Rechtsphilosophie. Leipzig, 1914. S. 39ff.

36. *Radbruch G.* Rechtsphilosophie. Studienausgabe. Heidelberg, 1999. S. 209.

37. *Windelband W.* Lehrbuch der Geschichte der Philosophie. Altenmünster, 2012. S. 564.

Сведения об авторе

КРОТКОВА Наталья Викторовна –
кандидат юридических наук,
ведущий научный сотрудник сектора
конституционного права
и конституционной юстиции
Института государства и права
Российской академии наук,
заместитель главного редактора
журнала «Государство и право» РАН;
119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10
ORCID: 0000-0003-2853-1287

Authors' information

KROTKOVA Natalya V. –
PhD in Law,
Leading Researcher, Constitutional Law
and Constitutional Justice Sector,
Institute of State and Law
of the Russian Academy of Sciences,
Vice-Editor-in-Chief
of the Journal "State and Law"
of the Russian Academy of Sciences;
10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia